АХМЕД СААДАВИ

ФРАНКЕНШТЕЙН В БАГДАДЕ

Шорт-лист Международного Букера
Лауреат Международной
премии арабской литературы

Ахмед Саадави

Франкенштейн в Багдаде

«Эксмо»

2013

УДК 821.411.21
ББК 84(5Ирк)-44

Саадави А.

Франкенштейн в Багдаде / А. Саадави — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-04-103665-2

Разрываемый войной Багдад. Старьевщик Хади собирает останки погибших в терактах жителей города, чтобы сделать из их органов фантастическое существо, которое, ожив, начинает мстить обидчикам жертв. Сатирическое переосмысление классического «Франкенштейна» Мэри Шелли, роман Саадави – трагикомический портрет тех, кто живет в постоянном страхе почти без надежды на будущее. Готическая история, триллер, политическое высказывание, «Франкенштейн в Багдаде» – это больше чем черная комедия.

УДК 821.411.21
ББК 84(5Ирк)-44

ISBN 978-5-04-103665-2

© Саадави А., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 22
Глава 4 25
Глава 5 31
Глава 6 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ахмед Саадави
Франкенштейн в Багдаде

Но я не прошу пощадить меня, только выслушать. Потом, если сможешь, уничтожь творение собственных рук.
Мэри Шелли. Франкенштейн

Тогда Диоклетиан велел принести великое колесо, под которым были помещены доски, истыканные железными остриями… На том колесе царь велел привязать обнаженного мученика и, вращая колесо, срезать все тело его этими железными остриями. Святой Георгий, разрезаемый на части и сокрушаемый, как тростник, доблестно переносил муки. Сначала он молился Богу громким голосом, затем все тише, потом уже совсем молча, не испустив ни одного стенания. Сочтя святого умершим, царь насмешливо спросил: «Где же Бог твой, Георгий?» Но вдруг настал мрак, прогремел страшный гром, и многие услышали глас свыше: «Не бойся, Георгий, Я с тобою».
(Из жития Святого Великомученика Георгия Победоносца)

Вы, кто слушает сейчас эти записи! Если нет в вас храбрости встать рядом со мной и помочь довести мою миссию до конца, хотя бы уберитесь с моего пути!
Безымян

Ahmed Saadawi
Frankenstein in Baghdad

Перевод с арабского *В. Зарытовской*

© Зарытовская В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Специальная Следственная комиссия, в состав которой были включены кадровые офицеры Национальной службы безопасности и разведывательного управления Минобороны Ирака (с привлечением в качестве консультантов американских военных наблюдателей), завершила расследование по делу Информационно-аналитического отдела гражданской администрации союзных войск в Ираке со следующими результатами.

1. 25 июля 2005 года под прямым давлением иракского правительства работа Отдела на период следствия была приостановлена. Эффективность ведомства с момента его учреждения союзниками в апреле 2003 года до настоящего времени подверглась критическому пересмотру. Его главе полковнику Суруру Мухаммеду Маджиду, а также заместителям предъявлено официальное обвинение. Доподлинно установлено, что сотрудники Отдела взяли на себя выполнение задач, которые выходят за рамки их полномочий, ограниченных кабинетной работой с архивами, обработкой новостных лент, а также хранением досье с грифом «Секретно» и других документов особой важности. По личной инициативе полковника Сурура в штат Отдела были приняты маги и астрологи. Им за счет государственного бюджета Ирака (а не американских партнеров!) выплачивались неоправданно высокие оклады. Как следует из протоколов допроса полковника нашими следователями, перед предсказателями была поставлена задача –

предвидеть преступления, угрожающие безопасности в столице и ее ближайших пригородах, и сообщать о предугаданных ими планах злоумышленников в Отдел. При этом следствию до сих пор не удалось выяснить, обладали ли на самом деле представители этой службы какими-либо экстрасенсорными способностями и как повлияли их прогнозы на развитие реальных событий.

2. Комиссией был подтвержден факт утечки единичных размещенных на хранение в Отделе документов, в связи с чем произведены аресты виновных сотрудников.

3. По итогам проверки жестких дисков изъятых в Отделе компьютеров обнаружено, что копии пакета файлов отправлены на электронную почту неизвестного лица под ником «Автор». Скрывающегося под данным ником уже удалось задержать по месту пребывания – отель «аль-Фанар», улица Абу Нувас. Однако при обыске в его вещах не найдено каких-либо документов, принадлежащих ведомству, или их следов.

4. Среди личных бумаг «Автора» внимание наших специалистов привлек художественный текст из семнадцати глав, по всей видимости написанный на основе переданных ему работниками Отдела материалов. Как заявили аналитики после знакомства с произведением, его составление юридически не может быть квалифицировано как преступление ни по одной из статей действующего законодательства. Учитывая чрезвычайный характер дела, члены Комиссии рекомендуют конфисковать все экземпляры текста, а у «Автора», прежде чем изменить ему меру пресечения, взять подписку о неразглашении содержания собственного сочинения, а также письменное обязательство не воспроизводить роман или какую-либо его часть в дальнейшем.

Постановляется:

1) отстранить полковника Сурура Мухаммеда Маджида и его помощников от занимаемых должностей;

2) возобновить архивную и аналитическую работу Отдела в прежнем режиме;

3) освободить арестованных по делу экстрасенсов и астрологов;

4) принимая во внимание ошибки, допущенные Отделом за последние годы, засекретить связанные с данным делом сведения о характере его деятельности;

5) в свете вновь открывшихся обстоятельств, а именно того, что «Автор» предъявил властям фальшивое удостоверение личности, провести оперативное задержание «Автора» и начать новое расследование до установления его настоящих паспортных данных. Назначить дополнительную проверку лиц из Отдела, с которыми мог контактировать «Автор», и поручить экспертам оценку того, какую степень опасности могут представлять действия «Автора» для Государства.

Подпись

Председатель Комиссии

Глава 1
Помешанная

1

Взрыв прогремел спустя две минуты после того, как старушка Илишу Умм Даниэль села в маршрутку. Все в автобусе резко обернулись. От увиденного глаза пассажиров наполнились ужасом: за толпой, ближе к парковке у центральной площади ат-Таяран клубился столб зловещего черного дыма. К эпицентру бегом бросились какие-то молодые люди, несколько машин вылетели на тротуар, две столкнулись лоб в лоб. Водители в них, оцепенев от страха, остались сидеть, вжавшись в кресла. Истошные крики, лязг, скрежет, автомобильные гудки – все слилось в невыносимый шум.

После соседки Илишу по Седьмой улице скажут, что женщина, как всегда рано утром в воскресенье, покинула квартал аль-Батавин и направилась на службу в церковь Святого Одишо, что рядом с Технологическим университетом. Поэтому, они могут поклясться, и случился взрыв. Многие в квартале верят: блаженная старушка оберегает их от всяческих несчастий, и то, что стены их жилищ сотряслись именно в ее отсутствие, они считают не случайным…

Илишу с отсутствующим видом сидела в маршрутке, погруженная в раздумья. Будто оглохнув, она не слышала страшного грохота в двухстах метрах от себя. Сухонькая старушка, съежившись, прислонилась к окошку и уставилась в никуда. Горький вкус на губах и болезненная сдавленность в груди не отпускали вот уже несколько дней.

Во время литургии горечь скорее всего растворится, потому что после она будет говорить по телефону с дочками и внуками. Ей полегчает, а в глазах вместо зыбкого тумана блеснет огонек. Каждое воскресенье отец Иосия ждет звонка на мобильный, чтобы сообщить Илишу, что с ней будет говорить Матильда, либо Илишу сама через час ожидания после условленного времени просит священника набрать номер дочери. И так в течение двух лет. До этого она созванивалась с детьми нерегулярно по стационарному телефону в церкви. А после ракетного удара американцев по Багдаду, за которым последовало вторжение пехоты США, связи не было несколько долгих месяцев, за которые город словно скосила смертельная эпидемия. Тогда родным каждую неделю надо было посылать кого-то навестить старушку, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Когда же самое тяжелое время миновало, Илишу представилась возможность пользоваться спутниковым телефоном, подаренным церкви Святого Одишо и молодому отцу Иосии японской благотворительной организацией. Затем страну покрыли сотовые сети, отец Иосия приобрел мобильный, и разлученные семьи прихожан с тех пор общались только по нему. По окончании литургии они выстраивались в длинную очередь, чтобы услышать голоса своих детей, которые разбрелись во все концы света. Так же часто, только ради того чтобы бесплатно поговорить с родственниками, в храм Ассирийской церкви Востока заглядывали жители примыкающих к кварталу переулков – христиане других конфессий и мусульмане. Полегче отцу Иосии стало, когда мобильные телефоны прочно вошли в жизнь простых обывателей Багдада. Только старая Илишу по-прежнему являлась на воскресный телефонный разговор.

Рукой со вздутыми венами Илишу брала крошечный «Нокиа», прикладывала его к уху и ждала – вот-вот раздастся знакомый голос. Он приносил успокоение, на душе становилось светлее. После полудня она возвращалась на площадь ат-Таяран, чтобы убедиться, что жизнь там течет так же размеренно и монотонно, как и утром, когда она уходила из дома. Тротуары

подмели, сгоревшие автомобили эвакуировали, мертвых доставили в морг, а раненых отвезли в госпиталь аль-Кинди. Только местами попадаются осколки стекла, грязный дым полностью не рассеялся, а в асфальте зияет дыра – когда огромная рытвина, когда поменьше. Это все, что она замечала вокруг. То ли зрение ее подводило, то ли она просто не обращала ни на что больше внимания…

Литургия закончилась. Прошел час. Илишу оставалась сидеть в зале для церемоний при церкви. Женщины расставили на столе тарелки с принесенной из дома едой. Она подошла и поела со всеми, чтобы скоротать время. Отец Иосия последний раз тщетно попытался связаться с Матильдой, но абонент был вне зоны доступа. Скорее всего Матильда потеряла телефон или его вытащили у нее на рынке Мельбурна. А номер отца Иосии она непредусмотрительно не записала. Но какое-то объяснение было?.. Что случилось на самом деле, отец Иосия не мог знать. Он поддерживал беседу с Илишу, чтобы как-то ее утешить. А когда прихожане стали расходиться, пожилой дьякон Надир Шмуни вызвался отвезти ее домой на своей дребезжащей старой «Волге». Но Илишу промолчала в ответ на его предложение. Вторую неделю она не дожидалась звонка. Нет, она не так нестерпимо истосковалась по голосам родных, к одиночеству она уже привыкла. Было нечто более важное. Со своими девочками она могла поговорить о Даниэле. Никто, кроме них и, пожалуй, священника церкви Святого Георгия, так искренне не сопереживал ей, когда она вспоминала сына, погибшего двадцать лет назад. Священник молился за душу Даниэля, и именно его она считала своим духовником. Да еще дряхлый облезлый кот по кличке Набо, дремавший сутки напролет… А прихожанки храма, когда она касалась в беседе с ними пропавшего без вести на войне сына, оставались безразличны к ее горю. Как и соседки, – ведь старуха твердила одно и то же! Не все, кто знал Даниэля, мог припомнить, даже как юноша выглядел: он был одним из многих ушедших в мир иной на их памяти за долгие годы. Еще меньше со временем оставалось тех, кто поддерживал в Илишу, опустившей в землю на кладбище Ассирийской церкви пустой гроб, безумную надежду на то, что сын ее до сих пор жив.

Илишу уже не пробовала об этом с кем-нибудь заговорить, просто ждала звонка от Матильды или Хильды. Только они терпели от нее любую чушь. Дочери понимали, что благодаря вере в чудесное возвращение сына в старушке теплится жизнь. Только и всего. И не нужно ее в этом разубеждать, пусть обманывается, хотя бы душу отведет…

Дьякон Надир Шмуни довез ее до перекрестка, где брала начало Седьмая улица квартала аль-Батавин. Несколько шагов, и она на пороге дома. В квартале тихо. Пиршество смерти завершилось уже давно, но следов ее кровавого буйства нельзя не заметить. Наверное, это был самый мощный взрыв, прогремевший в квартале за всю его историю. Дьякон держался. Сохраняя внешнее спокойствие, он молча припарковал машину у столба. Кровь и вырванный с кожей клок волос на нем дьякон не мог не видеть. Поэтому, когда его нос и пышные усы оказались на расстоянии меньше метра от прилипших к столбу электропередачи человеческих останков, Надира Шмуни сковал ужас.

Илишу вышла из машины, не проронив ни слова, подала на прощание дьякону руку и направилась в глубь притворяющегося тихим переулка. Слышалось только эхо ее неспешных шагов по каменной кладке, по обочинам которой были разлиты зловонные нечистоты. Сейчас она откроет ключом дверь, Набо поднимет мордочку в ее сторону, она спросит его «Эй, как дела?» и сама же шепотом ответит.

Но самое главное: она собиралась выразить обиду святому Георгию. Вчера ночью она попросила своего покровителя исполнить одно из трех – либо принести благую весть, либо утешить ее душу, либо наконец положить конец этим страданиям.

2

Умм Салим аль-Бейда, соседка Илишу, как никто другой неистово верила в то, что старушка блаженна, что Бог поцеловал ее в темечко и что она хранит любое место, куда бы ни пришла. Доказательств тому Умм Салим могла привести сколько угодно. Бывало, Умм Салим и упрекнет старушку за то и за се, что могло разрушить благочестивый образ Илишу в глазах окружающих, но потом Умм Салим всегда отзывалась о ней с трепетом и оказывала знаки уважения. Стелила перед ней ковер, сплетенный из тканевых полосок, подкладывала под оба бока мягкие подушки, подливала чай в ее чашку на женских посиделках, проходивших под тенистым навесом во дворе ее дома. Может, Умм Салим и преувеличивала, но всегда приговаривала, что Аллах давно бы сровнял с землей их квартал, если бы среди его жителей не было таких праведников, как Умм Даниэль.

Эта безоглядная вера была подобна клубам кальянного дыма, который пускала Умм Салим аль-Бейда вечером за болтовней: густые затейливые кольца сначала зависали над головами белым тяжелым облаком, а потом устремлялись вверх и мгновенно растворялись в воздухе, рождаясь и исчезая в тесном дворе ее старого дома, но никогда не улетая за порог.

Остальные же видели в Умм Даниэль лишь запуганную, тронувшуюся умом старушку. Ведь она не удерживала надолго в памяти их имена и иногда с таким изумлением смотрела на тех, с кем знакома уже полвека, как будто первый раз в жизни видела их в квартале, недоумевая, как они могли там оказаться.

Когда Илишу принималась нести вздор, говорить нечто странное, несообразное, что лишний раз указывало на ее безумие, Умм Салим и другие впечатлительные женщины квартала, поддакивавшие ей обычно, испытывали разочарование. А если Илишу откровенно выставляла себя посмешищем, Умм Салим с соседками вовсе охватывало отчаяние. Потому что они осознавали: одна из них потеряла разум и шагнула в бездну, значит, такая же участь скоро постигнет и остальных.

3

Уж кто-кто, а эти двое в аль-Батавин не расстраивались по поводу помешательства старушки и ясно понимали, что Илишу никакая не блаженная. Обыкновенная сумасшедшая, на которую жалко смотреть. Одним из них был Фарадж ад-Далляль – владелец агентства недвижимости «Пророк», окна которого выходили на центральную торговую улицу квартала. Вторым – Хади Барышник, ближайший сосед Илишу из совсем покосившегося дома.

За последние годы Фарадж ад-Далляль не раз предпринимал попытки уговорить Илишу продать ему старый дом, но тщетно. Она отвечала твердым «ни за что», не объясняя причин. Что заставляло одинокую женщину оставаться на пару с котом в большом доме? Там же целых семь комнат! Почему не переехать в дом поскромнее, который лучше проветривается и ярче освещается, да к тому же отложить круглую сумму на безбедное существование до конца дней? Эти вопросы задавал себе Фарадж ад-Далляль, не находя на них внятного ответа.

Что касается Хади Барышника, то это был мужчина лет пятидесяти, неряшливый и неприветливый старьевщик, с вечным запахом перегара. Он просил у Илишу уступить ему антикварные вещи, которыми ее дом был буквально напичкан: двое настенных часов, столики разных форм и размеров из тикового дерева, порядка двадцати расставленных по всем комнатам статуэток из гипса и слоновой кости, изображающих Деву Марию с младенцем, и многое другое, что Барышник не успел разглядеть и пересчитать.

Зачем ей эта рухлядь сороковых годов? Не лучше ли продать, чтобы хотя бы легче было убираться и вытирать пыль? Так размышлял Хади, проходя с вытаращенными глазами по ее

комнатам. Но старушка проводила его до порога и, ничего не добавив к своему сухому «нет», выставила старьевщика вон, хлопнув дверью. Это был единственный раз, когда Хади удалось попасть в дом к Умм Даниэль, но он хорошо запомнил его убранство: такое впечатление, будто очутился в музейных залах или забрел на склад любопытных вещиц.

Мужчины не прекращали попытки. Однако если корыстные интересы Хади уже давно вызывали неодобрение у жителей квартала, то Фарадж ад-Далляль не раз действовал как раз через соседок Умм Даниэль, которые по его замыслу должны были склонить старушку к продаже имущества. Дошло до того, что армянку Веронику Муниб Умм Андро однажды в гостях у Умм Салим обвинили в том, что якобы она взяла у ад-Далляля задаток, пообещав уговорить Илишу переехать к ней с мужем и продать собственный дом. Но Фараджа ад-Далляля было не остановить. Он проявлял упорство и привлекал в союзники всех, в том числе Умм Салим, проворачивая все возможные варианты. Что касается старьевщика, то он подкарауливал Илишу на улице, повторяя, что предложение в силе, и раз за разом встречая отпор, до тех пор пока не стал молча провожать старушку испепеляющим взглядом, если та попадалась ему в переулке на глаза.

Илишу не просто говорила им «нет», она вкладывала в свой ответ презрение. «Катитесь куда подальше!» – слышалось в ее раздраженном голосе. Она ненавидела их алчность, их грязные души, хотела, чтоб они убирались с глаз долой, но отвадить их было так же трудно, как вывести чернильное пятно с дешевого коврика.

Список проклинаемых ею людей был бы неполным без парикмахера Абу Зейдуна, члена бывшей правящей партии, который однажды вломился к ним в дом, схватил ее сына за шиворот и уволок в неизвестность. По вине этого человека она потеряла Даниэля. Абу Зейдун уже много лет сам избегал ее, и даже случайно она не сталкивалась с ним на улице. С тех пор как Абу Зейдун разорвал свой партийный билет, он превратился в затворника, занялся своими бесчисленными болячками и больше ничем происходящим в квартале не интересовался.

4

Взрыв застал Фараджа ад-Далляля дома на площади ат-Таяран. Тремя часами позже, где-то в десять утра, отперев свой офис в аль-Батавин, он обнаружил огромную трещину в витражном стекле. Ад-Далляль выругался с досады, хотя по дороге видел разбитые окна в квартирах и обходил осколки магазинных витрин на асфальте. Напротив его офиса по другой стороне стоял растерянный Абу Анмар – владелец давно нуждающейся в ремонте гостиницы «аль-Уруба». Прямо на него с верхних этажей старого здания продолжала сыпаться стеклянная крошка.

Фарадж остался безучастным к выражению ужаса на лице Абу Анмара. Особой симпатии к нему ад-Далляль не испытывал, да и друзьями их нельзя было назвать. Расположение друг против друга только придавало соревновательности их отношениям. Абу Анмар, как все владельцы гостиниц в районе, сдавал комнаты работягам, студентам, больным, проходящим лечение в клиниках поблизости, и провинциалам, приехавшим в столицу закупиться разом всем необходимым. Последние десять лет, после оттока египтян и суданцев, полагаться приходилось только на непостоянных клиентов, тех, кто приезжал подработать в ресторанах Баб-аш-Шарки и кафешках по улице ас-Саадун, в сапожных и других мастерских, на рынке и в такси. Еще можно было брать в расчет пару-тройку первокурсников, которых не устраивало университетское общежитие. Большинство же постояльцев исчезли после апреля 2003 года. С того времени многие гостиницы стояли полупустые. Вот тогда и появился предприимчивый Фарадж ад-Далляль, принявшийся подготавливать плацдарм для вторжения, переманивая и без того немногочисленных реальных и потенциальных клиентов у Абу Анмара и хозяев других небольших отелей.

Ад-Далляль извлекал выгоду из наступившего хаоса, пользуясь отсутствием государства как такового. Он уже наложил лапу на те дома в квартале, собственники которых были неизвестно где или непонятно кто. Подходящие дома переделывались в дешевые меблирашки и сдавались сезонным рабочим, семьям, которые спасались от конфессиональных чисток, и бедолагам, в страхе скрывающимся от кровной мести, – традиции, которая снова вошла в жизнь с падением режима.

Абу Анмар обижался и жаловался, но пребывал в бездействии. Он сам был беженцем с юга, перебравшимся в столицу в семидесятых годах, не имея здесь ни родственников, ни знакомых и рассчитывая только на закон, гарантом которого и был режим. В отличие от него хваткий ад-Далляль обрастал связями, родственников и приятелей у него тоже было не счесть. С наступлением смутных времен они заставили себя уважать и составили силу, с которой простым людям приходилось считаться. Ад-Далляль возвел захват покинутых жилищ практически в норму, хотя все знали, что бумаг, подтверждающих право собственности или хотя бы аренду помещений у государства, у него нет.

Чтобы отобрать дом у Илишу, Фарадж мог прибегнуть к помощи своих влиятельных друзей. Он дважды побывал внутри ее дома, и этого оказалось достаточно, чтобы загореться идеей его отобрать. Судя по всему, дом был построен иракскими евреями, по крайней мере по их излюбленному образцу: уютный внутренний дворик, в который выходили двери комнат на обоих этажах, подвал под самой правой комнатой со стороны переулка, деревянные резные колонны, подпирающие галерею второго этажа. Под ней на первом облицована стена – пространство под столовую. Кроме того, двери из натурального дерева с тяжелыми железными замками и засовами, деревянные оконные рамы, темные ставни на окнах, разноцветные витражи, двор вымощен тротуарной плиткой, а пол в комнатах выложен мелким кафелем в черно-белой гамме наподобие гигантской шахматной доски. Раньше над прямоугольным двором в жаркий период натягивали навес из белого полотна, но сейчас он отсутствовал. Дом был уже не тот, но стоял крепко. От сырости, как другие по этой же улице, он не сильно пострадал. За последние годы подвал просел, его пришлось засыпать, но это не важно. Больше беспокоило другое – на втором этаже одна из комнат была на грани обрушения. С внешней стороны в этом месте кирпичи сыпались во двор соседнего ветхого дома, где жил Барышник. От ванной на втором этаже тоже мало что осталось. Фараджу придется раскошелиться на ремонт, но затея того стоила.

Время от времени на ум ему приходила мысль, что выгнать отсюда беспомощную христианку, за которой никто не стоит, займет полчаса, не более. Но внутренний голос подсказывал ад-Даллялю, что на самом деле, преступая закон таким вероломным образом, он заходит слишком далеко. На это люди не будут смотреть сквозь пальцы и безнаказанным не оставят, лучше сбавить обороты и разузнать, как относятся к ней соседи. Ведь может выйти, что, обидев ее, он навлечет на себя гнев жителей квартала и только навредит себе. Разумнее подождать, пока старуха помрет, а там никто, кроме него, не посмеет занять ее дом. Каждому известно, что он уже положил на дом глаз. Все в курсе, что он следующий владелец, сколько бы ни протянула еще Илишу!..

– Бог дал, Бог взял! – прокричал, растягивая каждое слово, Фарадж Абу Анмару, увидев, как тот, подсчитывая потери, сложил ладони в знак покорности судьбе.

Абу Анмар в ответ воздел руки к небу, словно взмолился, соглашаясь с ним. Хотя в действительности, кто знает, возможно, он причитал: «Да возьмет тебя Аллах к себе!» – имея в виду ненасытного Фараджа, которого нелегкая принесла в этот момент крутиться поблизости.

5

Она согнала Набо с дивана в гостиной и, не глядя, смахнула с обивки шерсть. Каждый раз, когда она гладила пригревшегося у нее на коленях кота, он линял так сильно, что можно было не сомневаться – диван после него надо чистить. Она могла и не обращать уже на это внимания, но это место в гостиной было для нее особенным – напротив висел огромный образ святого Георгия, а по бокам от него приклеены две небольшие черно-белые фотографии в деревянных рамках с резьбой – сына Даниэля и мужа Тидароса. Рядом репродукции – «Тайная вечеря», «Снятие Иисуса с креста» и три копии с подлинных средневековых икон размером с ладонь, написанные пером и чернилами. Краски на них поблекли, да и имен всего сонма святых разных церквей она уже не помнила. Муж много лет назад прибил их здесь на стене в гостиной, а также в спальне, в комнате Даниэля, которая теперь заперта, и в других помещениях, где никто уже не живет.

Здесь она проводила почти каждый вечер и тщетно обращалась с мольбами к ангельскому лику святого, которого почитала особо трепетно. Его облачение – тяжелые доспехи, полностью покрывающие фигуру серебряными чешуйками. На голове сияет шлем с пером, из-под него выбивается светлый локон. Длинное острое копье устремлено вверх. Воин сидит на белом мускулистом коне. И всадник, и конь изогнулись в порыве сразить зловещего Змея, выползающего из угла картины и угрожающего поглотить их обоих со всем снаряжением.

Однако детали Илишу не замечала. Надев очки с толстыми линзами, болтавшиеся на цепочке на шее, она всматривалась в безмятежное, не выражавшее ни единой эмоции лицо святого. На нем трудно было поймать искру гнева, найти следы печали, отыскать надежду или заметить проблеск счастья. Он выполнял свой долг с одним-единственным чувством – непоколебимой верой, которой было исполнено его сердце.

Илишу рассматривала изображение своего небесного покровителя иначе, чем других святых. Она относилась к нему, как к близкому человеку, как к члену ее разлученной и рассеянной по разным уголкам света семьи. Он один все это время оставался с ней рядом, за исключением кота Набо… И не считая тени ее сына Даниэля, который в конце концов непременно вернется домой. Люди видели в ней одинокую женщину, разговаривающую с призраками, но для нее они были реальными, живыми существами, которые не давали окончательно сойти с ума.

Она была разочарована, так как святой не исполнил ни одно из ее заветных желаний. Ведь она же вымолила, он же обещал ей после стольких бессонных ночей, проведенных в слезах! Илишу понимала, что жить ей остается недолго, и мечтала только об одном – получить знак свыше о судьбе сына. Если он жив, пусть вернется домой. Если мертв, она должна знать, где его могила. А если могилы нет, пусть ей укажут место, где он встретил свою смерть. Она хотела посмотреть в глаза покровителю и спросить его про обещанное. Да, днем это было изображением святого Георгия, в котором нет ничего необычного. Замеревшая бессловесная фигура. Но с наступлением ночи приоткрывалось окно в другой мир. Божественный дух нисходил и через святого говорил с несчастной, чтобы она не скатилась в пропасть безысходности и не утратила веру в Бога.

В мерцающем свете керосиновой лампы ей показалось, что изображение за мутным стеклом колыхнулось. Она вгляделась в глаза и красивое гладкое лицо святого. В этот момент кот раздраженно мяукнул и покинул комнату. Покровитель остался в той же позе, рука так же высоко заносила копье, но глаза уже смотрели на нее.

– Ты торопишься, Илишу!.. Я сказал тебе, Господь успокоит твою душу или положит конец мукам… Или ты услышишь радостную весть… Но никто не вправе указывать Ему, когда этому суждено произойти…

Полчаса она умоляла святого и спорила с ним, пока черты его лица вновь не застыли в недовольной гримасе, показывающей, что он не желает продолжать бессмысленный разговор. Прежде чем лечь в постель, она прочитала молитву перед большим деревянным крестом в спальне и удостоверилась, что Набо уже дремлет в углу на своем коврике, похожем на шкуру тигра.

На следующий день, как только Илишу закончила завтракать и помыла за собой посуду, с оглушительным ревом над кварталом пронесся американский апачи. Через мгновение перед ней предстал сын. Или ей показалось?.. Нет, это он… Дани… Так она звала его в детстве… Сбылось предсказание святого Георгия… Она окликнула его… Иди сюда, мальчик мой!.. Сюда, Дани!.. Ну же!

Глава 2
Враль

1

Чтобы сделать свою историю еще более ошеломительной, Хади Барышник старался привнести в нее больше реалистичных деталей. Как только припоминал что-нибудь, сразу вставлял в свое повествование то, что с ним на днях стряслось. Он садился на диванчик в углу у окна в кофейне Азиза аль-Мысри, разглаживал непослушные усы и топорщащуюся бороду, потом чайной ложечкой стучал по подстаканнику и, отхлебнув пару глотков чая, снова приступал к рассказу. На этот раз он устроил представление в честь нескольких гостей, которых Азиз аль-Мысри заманил в свое заведение послушать его байки.

Среди посетителей оказалась немецкая журналистка – щуплая блондинка с очками в толстой оправе на остром носу и тонкими сжатыми губами. Ее сопровождали переводчик-иракец и оператор из Палестины, который положил переносную камеру прямо напротив Хади. С ними пришел также Махмуд ас-Савади – смуглый молодой человек, корреспондент, приехавший с юга Ирака и остановившийся в гостинице «аль-Уруба», принадлежащей Абу Анмару.

В тот день немка, продюсирующая документальный фильм о буднях иракских журналистов в Багдаде, всюду следовала за Махмудом на протяжении его рабочего дня. Оператор снимал, как Махмуд бродит по улицам в поисках материала, комментирует последние события и рассказывает о трудностях, с которыми ему приходится ежедневно сталкиваться. Немка вовсе не планировала тратить время на длинные и запутанные россказни какого-то старьевщика, от которого несло перегаром, с глазами навыкате, да еще в поношенной одежде с прожженными сигаретами дырками. К тому же лишний выход на улицы Багдада женщины с такой привлекательной внешностью, как у нее, был риском. Поэтому она решила не включать камеру и просто послушать. Каждый раз, отпив из стаканчика чай, она поворачивалась к переводчику, и у того занимало очень много времени объяснять, что говорил Барышник.

Эта весна выдалась мучительно душной, и она надеялась провести оставшийся день, глотнув немного свежего воздуха. К тому же ей надо еще успеть заглянуть в пресс-центр, организованный для журналистов в гостинице «Шератон», чтобы передать пленку, отснятую за сегодня с Махмудом.

Она не дослушала рассказ до конца, подала знак Махмуду, и они вышли. Прежде чем попрощаться, она подметила:

– Этот чудак пересказывает фильм… Перевирает картину с Робертом де Ниро.

– Да… Кажется, он насмотрелся кино… Да его тут все знают!

– Тогда ему прямая дорога в Голливуд, – рассмеялась она и села в белый «протон» переводчика.

2

Для Хади в ее поступке не было ничего предосудительного. Всегда найдется кто-то, кто покинет кинозал посреди сеанса. Привычное дело.

– Так на чем мы остановились? – как ни в чем не бывало спросил Хади у Махмуда, который вернулся в кофейню и усаживался на диван напротив.

Азиз аль-Мысри, замерший с пустыми стаканами в руках посреди зала, расплылся в широкой улыбке, предвкушая продолжение истории.

– Мы дошли до взрыва, – подсказал он.

– До первого или до второго? – переспросил Хади.

– До первого… На площади ат-Таяран, – заторопил Махмуд рассказчика.

Он ждал, когда Хади начнет сбиваться, забудет какую-нибудь мелочь, сам себя утопит в несоответствиях и его можно будет уличить во лжи. Только ради этого Махмуд терпел его бредни по второму или даже третьему кругу.

– Взрыв был страшный, – произнес Хади. Он покосился на Азиза, рассчитывая на подтверждение своих слов, и продолжил…

В то утро он, как обычно, завтракал фасолью в масле, которую стряпает Али ас-Сейид в соседней кафешке. Хади опрометью вылетел из заведения и, сталкиваясь с людьми, плотным потоком бегущими ему навстречу, устремился к месту взрыва. Нос издалека учуял расплавленный пластик, вонь автомобильных покрышек и запах горелого человеческого мяса. Последнее ни с чем нельзя спутать. Такое врезается в память раз и навсегда…

Небо затянуло хмурыми тучами. Вот-вот должно было полить. Рабочие выстроились на тротуаре напротив величественной белой армянской церкви с многогранной маковкой и увесистым крестом. Время от времени они бросали взгляды на погруженный в безмолвие храм, а между тем курили, болтали, пили чай со сладостями, заказывая его у торговцев, разложивших свой товар на ковриках тут же, на тротуаре. Кто-то покупал с тележек фасоль, другие наедались вареной репой. Все ждали, когда какая-нибудь из проезжавших машин остановится и из нее предложат разовую работу – что-то подлатать, отремонтировать или, наоборот, сломать, разобрать. Водители припаркованных чуть поодаль маршрутных автобусов «киа» и «тойота-коастер», зазывая пассажиров, громко выкрикивали: «Аль-Каррада! Технологический университет!» На другой стороне улицы происходило то же самое: подъезжали и отъезжали машины, торговцы выкладывали на землю сигареты, пахлаву, нижнее белье и приставали к прохожим со всякой всячиной.

У толпы притормозил полноприводный автомобиль серебристого оттенка. Большинство рабочих, сидевших на тротуаре, привстали. А когда часть из них подошла к машине поближе, прогремел мощный взрыв. Никто не мог точно сказать, в какой момент это произошло. Все случилось за доли секунды. Те, кто остался цел, так как стоял далеко от машины, те, кто спасся только благодаря тому, что их прикрыли своими телами раненые и убитые, те, кто оказался в защищенном месте за другими автомобилями, и те, кто еще не вышел на площадь, но шел по переулку в ее направлении и все слышал, сотрудники офисов в здании рядом с армянской церковью, водители, уже миновавшие площадь, – все они вздрогнули в тот момент, когда пламя и гарь поглотили машины и людей вокруг. Провода электропередач оборвались, с неба замертво упала стая птах. В соседних домах выбило стекла, вылетели двери и треснули стены. А в старых квартирах квартала аль-Батавин обвалились потолки. В один миг все было кончено.

Когда наступила тишина и гигантская дымовая завеса рассеялась, от машин, объятых языками пламени, еще продолжали тянуться вверх черные нити, а с неба с грохотом приземлялись пылающие искореженные детали. Хади стоял на площади и наблюдал. Подоспевшая вскоре полиция оцепила место. Мертвые лежали на асфальте кучей, словно легли спать, обняв друг друга. Раненые стонали. Казалось, все они были вымазаны черной и красной краской.

Хади утверждал, что когда он добрался до места, то остановился у торгового ряда со стройматериалами и хозтоварами и оторопел от увиденного. Он прикурил, будто его сигаретой можно было перебить этот чудовищный запах…

Рассказчику, похоже, нравилось выставлять самого себя этаким суровым мужчиной, и он предвкушал, вглядываясь в лица слушателей, какое впечатление произведет…

«Скорые» забрали раненых и увезли убитых. Затем примчались пожарные и начали тушить тлевшие автомобили, позже эвакуатор оттащил их в неизвестном направлении, а улицу продолжали поливать из шлангов, чтобы стереть разводы копоти и лужи крови. Хади следил

за их действиями очень внимательно. Он что-то высматривал среди всего этого хаоса и разгрома. Когда он нашел, что искал, то отбросил окурок в сторону на тротуар и поспешил поднять находку, пока ее не унесло мощной струей по желобу водостока. Он завернул подобранное в полотняный мешочек, сунул его под мышку и пошел прочь.

3

Хади был дома раньше, чем начался дождь. Быстрыми шагами он пересек казавшийся заброшенным двор, плотно прикрыл за собой дверь комнаты и положил сверток на кровать. Он не мог отдышаться – грудь вздымалась, нос шумно сопел. Осмотрев мешочек, Хади протянул было к нему руку, но передумал. Немного повременил, вслушиваясь в шум дождя, который сначала, словно боясь чего-то, капал редко, потом застрочил чаще и буквально через минуту превратился в настоящий ливень, смывающий потоками грязь со дворов и улиц и уничтожающий следы ужасного события, произошедшего сегодня днем на площади.

Хади вернулся домой, хотя домом это вряд ли можно было назвать. Лучше всех о том, что представлял собой его дом, знал Азиз аль-Мысри. До того как расстаться с вольной жизнью и обзавестись семьей, он частенько до поздней ночи выпивал с Хади за единственным в его жилище столом. Время от времени Азиз заставал у него дома одну-двух проституток с Пятой улицы, и тогда их вечер становился вовсе чудесным. На удовольствия Хади денег не жалел и спускал все без счета.

Это не было домом в полном смысле слова. Точнее, здесь было просто нельзя жить: практически все негодное – развалено и поломано. Войти можно лишь в одну комнату с растрескавшимся потолком, которую Хади Барышник со своим партнером Нахемом Абдеки три года назад превратили в нечто вроде кабинета.

И Хади Барышника, и Нахема Абдеки в квартале знали давно. Они ездили по району на телеге, запряженной лошадью, и скупали старые вещи, закопченные кастрюли и вышедшие из строя электрические лампы. Завершая круг с утра по кварталам аль-Батавин и Абу Нувас по другой стороне улицы ас-Саадун, они заправлялись завтраком и пили чай у Азиза аль-Мысри. Потом на лошади, принадлежащей Нахему Абдеки, продолжали путь и исчезали из виду, проехав по узким улочкам аль-Каррады.

С началом беспорядков после вторжения американцев Хади и Нахем взялись ремонтировать свою «иудейскую развалину», как они называли этот дом, хотя ничего иудейского в нем не было – ни семисвечника, ни звезды Давида, ни надписей на иврите. Хади переложил наново внешнюю стену из оставшихся кирпичей, поправил слетевшую с петель деревянную дверь, соскоблил с нее засохшую глину, вынес камни со двора и привел в порядок единственную уцелевшую в доме комнату, стерев со стен в ней несколько слоев пыли. Торчащая стена комнаты этажом выше могла в любой момент рухнуть во внутренний двор и погрести под собой заживо того, кто там окажется, но пока Бог миловал. Жители квартала и не заметили, как Хади и Нахем стали одними из них. Даже Фарадж ад-Далляль, который, как всем было известно, прибирал к рукам любую недвижимую собственность, брошенную хозяином, не обращал внимания на Хади и Нахема. Он этот дом тоже считал не более чем «иудейской развалиной».

Откуда взялись эти двое? Никто и не задавался этим вопросом. В квартале полно было пришлых, которые уже много десятилетий подряд селились друг у друга на головах. Так что никто не мог претендовать на то, чтобы называться здесь коренным жителем.

По прошествии года или двух Нахем женился и снял жилье где-то во внутренних переулках квартала. Он оставил Хади одного, хотя продолжал работать с ним, как прежде, колеся по району.

Нахем был моложе Хади, ему едва исполнилось тридцать пять, и их можно было принять за отца с сыном, если бы они не были так непохожи. У Нахема выделялись большие уши,

маленькая голова с густыми приглаженными волосами, жесткими, как проволока, и широкие, почти сросшиеся на переносице брови. Хади даже подшучивал над ним:

– У тебя и в сто двадцать волосок к волоску лежать будет!

Возраст Хади было трудно определить на глаз, но ему было больше пятидесяти. Борода вечно спутанная, топорщится в разные стороны. Он был тощий, но крепкий, подвижный, со скуластым лицом и глазами-щелками.

Хади называл Нахема «выпендрежником»: тот, в отличие от товарища и учителя, был человеком богобоязненным, не курил, не притрагивался к алкоголю и не знал женщин до брака. На его молитвах и держался дом, который они с Хади подлатали. В единственной их общей жилой комнате Нахем повесил картонку с аятом «аль-Курси», посадил ее на клей так, что отодрать от стены, не порвав в клочки, было невозможно. Хади мало интересовала религия, но прослыть противником ислама или атеистом он тоже не желал, поэтому не стал мешать товарищу и ученику и не снял со стены аят, который стал первым, что он видел с утра, продрав глаза.

К сожалению, Нахему не довелось дожить до седых волос, чтобы убедиться, насколько были верны слова Хади по поводу его шевелюры. За несколько месяцев до тех событий, когда Барышник сидел в кофейне Азиза аль-Мысри перед Махмудом ас-Савади и парой стариков, подходя к финалу своего фантастического рассказа, перед штаб-квартирой одной из партий религиозного толка в аль-Карраде взлетел на воздух начиненный взрывчаткой автомобиль. От осколков погибли прохожие, среди которых оказался Нахем. Его вместе с лошадью буквально разворотило и перемешало, как в мясорубке.

От пережитого потрясения Хади сильно переменился. Он стал нервным, агрессивным, часто бранился, подбирал с земли булыжники и швырял их вслед проезжающим американским «хаммерам», нарядам полиции и автомобилям Национальной гвардии, нарочно ввязывался в драку с тем, кто касался в разговоре Нахема Абдеки, напоминая о его гибели. Через какое-то время жизнь вернулась в прежнее русло. Хади вновь смеялся, травил байки и пересказывал анекдоты. Но нельзя было не заметить, что у него появилось второе «я». Как только он оставался наедине с собой, черты его лица искажались в печальной гримасе, словно он надевал угрюмую маску, прежде ему не свойственную. Хади стал злоупотреблять спиртным днем. В кармане у него всегда была припасена четвертинка анисовой водки или виски. Он насквозь пропах алкоголем, и от этого ужасного душка никак было не избавиться. Постепенно он превращался в еще большего неряху, перестал стричь бороду и стирать грязное постельное белье.

Имя Нахема Абдеки вовсе прекратили упоминать в присутствии Хади, чтобы лишний раз не раздражать его и не выводить из себя. Поэтому до Махмуда ас-Савади эта история дошла много позже, и то в пересказе Азиза аль-Мысри.

4

– Так на чем мы остановились? – громко спросил Хади, вернувшись из уборной за кофейней.

– На большом носе в полотняном мешке, – вяло отозвался Махмуд ас-Савади.

– Ага!.. Нос…

Хади подтянул штаны и пролез на свое место на диване у окна. Усевшись, он вернулся к своему рассказу, полностью разочаровав Махмуда, так как не перепутал ни одной мелкой детали. Перед тем как отойти в туалет, он сделал паузу и остановился на том, что дождь перестал капать и он, прихватив мешочек, вышел во двор…

Хади посмотрел на небо: тучи расползались в стороны рваной ватой, словно силы их иссякли, они одумались и отступали сейчас прочь. Отдельные предметы старой мягкой мебели и деревянные шкафы во дворе были затоплены пролившимся дождем, а значит, безвозвратно

испорчены. Но Хади не было до этого дела. Он зашел под небольшой самодельный навес, державшийся на уцелевшей половине стены и сколоченный из обломков мебели, железных прутьев и фанеры, и присел на корточки с самого края. Остальное пространство под навесом занимал внушительных размеров мертвец. Труп мужчины был совершенно голый, из ран по всему телу сочилась какая-то липкая белая слизь. Крови на нем почти не было, за исключением нескольких запекшихся пятен на руках и ногах. На плечах и в районе шеи были заметны крупные синяки и ссадины. Тело казалось какого-то неопределенного, по крайней мере неоднородного цвета. В этом тесном пространстве Хади придвинулся к мертвецу еще ближе и склонился над самой его головой. Нос отсутствовал. Место, где он должен был быть, раскурочено, словно его вырвал с мясом своими клыками хищник. Хади развернул сложенное несколько раз полотно и вынул то, за чем охотился все последние дни и на что так страшился взглянуть. Это был только что оторванный от живой плоти нос, на нем еще держались густые застывшие капли свежей крови. Дрожащей рукой Хади наложил его на место чернеющей выемки на лице мертвеца. Он пришелся как влитой, казалось, что это и был тот самый недостающий нос.

Хади убрал руку и обтер пальцы об одежду. Он смотрел на мертвое лицо без удовлетворения, но с чувством исполненного долга. Теперь все кончено… Нет… Не совсем. Еще нужно накрепко пришить нос, чтобы он не отвалился.

Труп был полностью, фрагмент за фрагментом, собран, не хватало только носа. И сейчас Хади завершал свою невообразимо жуткую работу, которую от начала до конца он проделал без посторонней помощи и смысл которой нельзя было никак ни объяснить, ни оправдать, несмотря на все приводимые им слушателям доводы.

– Я хотел передать его судебным медикам… Труп я нашел на улице, его выбросили, словно отходы какие-то… Это же человек. Вы не понимаете? Человек! Очнитесь, люди!

– Это не целый труп был. Ты сшил его по кускам.

– Я собирал его, чтобы похоронить достойно, как всех! Разве он не заслуживает этого?! Боже мой!

– И что случилось потом?

– С кем? Со мной или с Безымяном?

– С вами обоими.

Хади реагировал на замечания слушателей по ходу рассказа, не выходя из образа. И если бы кто-то из них посмел ему противоречить, то лишился бы всего удовольствия от этого длинного и извилистого повествования. Поэтому слушатели откладывали все отмеченные ими нестыковки, не перебивая рассказчика и не вмешиваясь в его выступление, даже когда тот отклонялся от основного сюжета и вводил побочную линию…

В аль-Карраде у него была назначена встреча. Несколько дней ему ничего не подворачивалось для перепродажи, поэтому карман совсем опустел. А этот человек, которого он уже давно обрабатывал, мог стать источником неплохого заработка. Еще один одинокий старик, живущий в большом доме, как Илишу. Только этот подумывал о том, чтобы насовсем переехать в Россию, где его ждала старая любовь, уговорившая друга продать все вместе с мебелью и перебраться к ней, чтобы вдвоем доживать свой век.

Дело было на мази, и сделка должна была состояться, но вот только старик, как только доходило до расставания с имуществом – комодами, подсвечниками, лампадами, радиоприемниками, хватался за них, как утопающий за соломинку, шел на попятную и каждый раз переносил встречу. Хади не хотел давить на него или, еще хуже, спугнуть. Он давал ему время и заходил позже в надежде найти его полным решимости.

Хади отмыл руки от налипших на них сгустков крови и кусочков кожи, переоделся в более или менее чистую одежду и отправился на разговор с этим аль-Амерли, полным противоречий. Он боялся, что кому-то вперед него удастся заставить старика продать ценные вещи или появится делец, который предложит сдать в аренду дом со всей мебелью, соблазнит тем,

что собственность останется за прежним владельцем и деньги будут поступать на его счет каждый месяц. А между тем арендатор будет надеяться, что имущество отойдет к нему, когда хозяин отправится в мир иной.

Это недалеко, в одном из переулков, берущих начало от площади аль-Андалус. На автобусе можно доехать за пять минут. Но в часы пик Хади шел пешком, покупая по дороге пепси или другую газировку, а также спиртное и складывая все в полотняный мешок. Потом он это продаст дороже или подождет, пока соберется много пакетов, и отвезет целую партию на арендованной машине в один из баров по улице ар-Рашид…

– А труп, боже мой!.. Что с ним стало?

– Подожди ты! Имей терпение!..

Хади стоял у дома аль-Амерли и колотил в дверь, но никто не открывал. Может, старик спит? Или вышел куда? А может, вообще умер, не дождавшись встречи с любимой в России, так и не сжав в своих ладонях ее тонкие морщинистые пальцы? Хади стучал, пока не привлек внимание любопытных соседей. Тогда он вернулся на улицу ас-Саадун и зашел в кафе рядом с госпиталем аль-Рахма, где съел сэндвич-кебаб и попросил завернуть еще половину порции с собой.

Тучи рассеивались, дул порывистый ветер. Завоет, перестанет, потом сменит направление, никак не успокоится. У торговца сигаретами с лотка опрокинулся тряпичный зонтик и намертво застрял между бетонными ограждениями. Ветер то упирался в прохожих, мешая им идти, то будто хлестал их невидимой рукой по лицу и толкал вперед, чтобы они шли быстрее. Посетители кофеен, сидевшие на диванах вдоль тротуара, поспешили зайти внутрь. Стекла автомобилей, наполовину опущенные, чтобы было чем дышать в салоне, сейчас решительно поднимали. Продавцы газет и журналов скрылись, а торговцы сигаретами и сладостями, стоявшие на перекрестке у светофора, второпях, чтобы упаковки не размякли, засовывали товар в пластиковые пакеты, болтающиеся у них на шеях. Прохожие в головных уборах схватились за головы, боясь, что обнажатся их лысины и люди, прячущиеся за витринами магазинов и в автомобилях, будут хохотать над тем, как они вприпрыжку бегут за своими уносимыми ветром кепками и шапками.

Листья пальм, высаженных на газонах гостиницы «Новотель» на площади аль-Андалус, пригибало к земле. А охранник, молодой парень, продолжал стоять у главного входа, изо всех сил сохраняя военную выправку. Совсем необязательно было оставаться в такую непогоду на улице. Однако его грубо сколоченная из досок кабинка не защищала ни от холода, ни от жары. Будь он действительно солдатом или полицейским, посты которых расставлены по всему Багдаду, он мог бы развести огонь в пустой жестянке, согреться и высушить одежду. Но администрация гостиницы это строго воспрещала…

– Ну вот! Теперь он еще отвлекается на охранника!

– Терпение! Все по порядку!..

Хади докурил самокрутку, последний раз отхлебнул пепси, смял с хрустом банку и закинул ее в мешок. Наружу ему выбираться совсем не хотелось, и он принялся ворошить мусор в баках за кафе в поисках жестяных банок. Когда ветер стих, он вышел, чтобы погреться на солнышке, но оно тут же скрылось. Небо было серым и быстро темнело. Мысли Хади блуждали от одного к другому. Вдруг он вспомнил о трупе, оставленном дома, и у него все поплыло перед глазами. Ни о чем больше не думая, он устремился домой напрямик через площадь аль-Андалус… Это был необычный день. По телевизору в кофейне Хади услышал, что сегодня прогремело большое количество взрывов: в районе аль-Каземийя, в Мадинат ас-Садр, квартале аль-Мансур и в Баб-аш-Шарки. В эфир пустили кадры с пострадавшими из госпиталя аль-Кинди, затем показали площадь ат-Таяран, где пожарные замывали следы трагедии. Хади ожидал, что камера захватит и его, стоящего у магазина с хозтоварами и хладнокровно, с сигаретой в руках, словно злодей на месте преступления, наблюдающего за суетой вокруг. Затем выступил чинов-

ник из городской администрации. От имени правительства он с улыбкой на лице отвечал на вопросы журналистов и докладывал, что предотвращена другая серия взрывов, запланированных на сегодня. Согласно данным разведки, террористы из «аль-Каиды» и оставшиеся не у дел военные, служившие прежнему режиму, намеревались подорвать не менее сотни автомобилей. Но союзным войскам и спецслужбам Ирака удалось сработать на опережение. Поэтому число терактов по всему городу не превышает пятнадцати! Всего лишь!

Толстый владелец кафе выдавил только громкое и длинное баранье «бе-е-е» на все это. И ничего не добавишь! Однако в этот день, справедливости ради надо сказать, произошло не пятнадцать, а шестнадцать терактов. Последний взрыв раздался, когда представитель администрации уже отправился домой, поэтому он не попал в отчет за прошедшие сутки.

Хади шагал, перекинув мешок с выуженными жестянками через плечо. Поравнявшись с гостиницей «Новотель», он не перешел на другую сторону улицы, как обычно делал, опасаясь сердитых окриков охраны, а продолжил свой путь вдоль ограды. То ли забылся, то ли глубоко ушел в себя, вспоминая об истекающем липкой слизью теле под навесом у себя во дворе. Что теперь, когда задуманное доведено до конца? Нанять машину и самому отвезти тело в морг? Подбросить его ночью на площадь или оставить на каком-нибудь перекрестке, чтобы полицейские забрали его и определили куда следует?

Через несколько секунд, когда Хади приблизился вплотную к массивным железным воротам, ведущим на парковку гостиницы, до него наконец дошло, в какую жуткую историю он впутался. Единственным разумным решением было вернуться как можно скорее домой, распороть труп на части, как было, и подложить органы жертв недавних терактов туда, где он их нашел. Его долг вернуть их обратно, именно в те места, где взял.

А в это время охранник в кабинке дрожал от холода. Ему в голову пришла мысль, что движение его согреет, и он поспешил выйти наружу, чтобы размяться. У ворот он заметил подозрительного субъекта с мешком, схватился руками за прутья и уже собрался прогнать его, но понял, что тот и так уходит…

– Да разве ты видел, как все это случилось?!

– Конечно! Мы стояли с приятелями на другой стороне улицы, когда к воротам «Новотеля» подкатил грузовик.

– Ха! Да ты вообще ничего не смог бы оттуда разглядеть!..

Метрах в двадцати от ворот в поле его зрения попал мусоровоз, который мчался по направлению к гостинице с такой скоростью, что едва не сшиб его. Буквально через мгновение в нем сдетонировала взрывчатка, и Хади с его мешком, в котором он нес ужин, отшвырнуло далеко в сторону. Он кувырнулся, с силой ударился головой об асфальт, и его присыпало землей. Прошло не менее минуты, прежде чем он осознал, что произошло. Сквозь дым Хади различил фигуры молодых людей, с той стороны дороги бежавших к нему на помощь. Среди них был Махмуд ас-Савади. Они подняли Хади на ноги и принялись стряхивать с него грязь. Но тот, как только оказался в вертикальном положении, тотчас отдернул их руки и, испуганный до смерти, бросился прочь. Они что-то прокричали ему вслед. Возможно, он был ранен. Но от шока Хади не чувствовал боли и несся, ничего не соображая.

Темнело. Было слышно, как издалека сюда мчатся машины «Скорой помощи», пожарные и полиция. Дым рассеивался, поднятая взрывом пыль оседала и превращалась в туман, который приглушал свет их фар. Махмуд и другие свидетели происшествия, почти не видя ничего перед собой, топтались по битому стеклу и железкам, которые разбросало взрывом на много метров вокруг. Потрясенные и полные ужаса, они покидали это место.

5

Он шел вперед, терпя адские боли в плечах и бедре. От удара об асфальт на лбу и на щеке разбухали кровоточащие ссадины. Ровно идти не получалось, он прихрамывал, и каждый шаг давался с трудом. Остановить машину и попросить водителя отвезти его в Баб-аш-Шарки на ум не приходило. Он вообще ни о чем не мог думать, как будто кто-то нажал на кнопку и отключил ему мозги. Хади просто упрямо ломился к цели. Казалось, он будет бороться, пока силы не иссякнут и он не рухнет на землю.

Он всегда приговаривал, что так запросто не погибнет. Столько взрывов он пережил и остался невредим! Больше его беспокоило, не зацепило ли его где осколками. А царапины, полученные при падении, – ерунда!

Уже у дома он обнаружил, что забыл мешок с купленной в кафе едой на месте происшествия. Он толкнул тяжелые деревянные ворота и вошел, не заперев их. Остановившись в изнеможении, Хади взглянул на дверь комнаты – расстояние до нее было как будто в несколько раз больше, чем всегда, – и заковылял к ней по разбитой плитке двора, боясь упасть замертво либо потерять сознание. Как далеко! Он желал только одного – оказаться в кровати. Наконец Хади переступил порог комнаты, свалился в постель и через мгновение забылся в тяжелом сне. Возможно, это был глубокий обморок, который ему еле-еле удалось оттянуть до дома.

На следующий день его разбудил голос, читающий выпуск новостей по радио. Шум шел то ли от жильцов с линии позади его дома, то ли это Умм Салим аль-Бейда сидела на лавочке у ворот дома напротив в обнимку с приемником и, как повелось, следила, кто входит к соседям и кто от них выходит.

Он оторвал голову от подушки и увидел, что наволочка вся заслюнявлена и испачкана пятнами засохшей крови от ран на лице. «Слишком много выпил вечером», – подумал сначала Хади, но тут же резко вспомнил про вчерашний взрыв и про труп у себя под навесом. Наверное, за день он уже начал разлагаться и смердит так, что проходящие мимо чуют его запах.

Хади приподнялся и по яркому свету, бьющему в глаза, понял, что уже середина дня. Он умыл лицо, смочил шею водой из крана в коридоре рядом с туалетом и попробовал потянуться, но сразу ощутил ломоту во всем теле, а когда обернулся, увидел, что случилось во дворе, пока он отсутствовал. Пронесшийся вчера ураган разбросал вещи. Несколько шкафов завалены назад, деревяшки от крыши навеса раскидало по всем углам, а сам навес девался неизвестно куда. Подойдя ближе, Хади понял, что исчез не только навес.

Тело пропало. Где труп, который он закончил штопать вчера днем? Ну не мог же он испариться! Не унесло же его со двора ветром! Хади перевернул все вверх дном. Потом засомневался, вернулся в свою комнату и стал искать там. Снова выскочил во двор. Сердце забилось чаще, до боли ему уже не было дела. В следующую секунду его охватила паника. Куда мог деваться труп? Ну не ушел же он ногами! Хади встал, крайне взволнованный, посреди двора, посмотрел в чистое синее небо, перевел взгляд на высокие стены соседних домов, а затем на то место, где обвалившаяся комната Умм Даниэль образовывала скат к стене его жилища. Там сидел старый облезлый кот и смотрел на него, не отводя взгляда, как будто все это время, притаившись, наблюдал за ним. Кот пронзительно мяукнул, словно хотел сообщить что-то Хади, медленно повернулся и скрылся за обрушенной стеной…

– Э-э… И что дальше?

– Вот… Это все.

– Как все? А с трупом-то, Хади, что?

– Не знаю.

– Какая-то нескладная история, Хади… Тебе бы другую сочинить.

– Ну, не верите – как знаете!.. Ладно, пошел я. За чай мой заплатите тогда.

Глава 3
Неприкаянная душа

1

Хасиб Мухаммед Джаафар, двадцати одного года от роду, смуглый, худощавый, взявший в жены Дуа Джаббар и недавно ставший отцом малышки Захры, проживал в 44-м квартале Мадинат ас-Садр в доме родни. Он успел проработать охранником в гостинице «Новотель» семь месяцев, прежде чем погиб при взрыве. Террорист с гражданством Судана, как выяснилось потом, на заранее угнанном в одном из районов Багдада мусоровозе, начиненном динамитом, намеревался прорваться через главные ворота, въехать прямо в холл гостиницы и, чтобы жертв было как можно больше, только там уже подорвать себя. Лишь благодаря тому, что охранник проявил мужество и успел несколько раз выстрелить в водителя, оглушительный взрыв прогремел раньше. Вещи охранника передали семье: гражданскую одежду, пару носков, не вскрытый еще флакон туалетной воды и первый томик поэм ас-Сайяба, отпечатанный в ливанском издательстве «аль-Ауда». В гроб положили его сгоревшие черные туфли, лоскуты измазанной кровью одежды и обугленные фрагменты тела – все, что осталось от сгинувшего Хасиба Мухаммеда Джаафара. Его самого в гробу, доставленном на кладбище ан-Наджефа, не было. Молодая вдова обняла пустой ящик, с надрывом всхлипнула и завыла. Зарыдала мать, за ней расплакались сестры, братья и соседи. Только маленькая дочка Хасиба со слюнками в уголках рта удивленно смотрела вокруг, когда люди, теряя от горя самообладание, передавали ее с рук на руки, боясь уронить.

Все в доме, обессиленные после выплаканных слез, заснули с тем чувством, что Хасиб вот-вот должен постучаться и войти со своим рюкзаком через плечо. Хасиб снился им всем одновременно. Их видения сплетались в причудливое полотно, один сюжет накладывался на другой, повторялся в воображении родственника, подхватывался памятью друга и снова всплывал во сне знакомого. А неприкаянная душа Хасиба парила над головами спящих в поисках подходящего тела, обретя которое она могла бы вернуться в этот мир в прежнем виде.

Кто-то из спящих время от времени непроизвольно взмахивал руками, пытаясь отогнать от себя эти навязчивые образы, то склеивающиеся в картины, то рассыпающиеся на частицы, ускользающие в потустороннее пространство, о существовании которого никто из них даже не догадывался.

2

Оторопевший Хасиб уставился на надвигающуюся махину: что делать? Одни предположения в его голове моментально сменялись другими. Это был самый обычный мусоровоз, шофер мог засмотреться, отвлечься, потерять управление, и его сейчас против его же воли несло прямо на ворота. Либо, чтобы избежать столкновения с другим автомобилем, он выкрутил так неудачно руль… Нет, это террорист… Он притормозил… Стоит… Огонь… Еще огонь… Прямо в водителя он не целился, так как не имел достаточной смелости, чтобы убить человека, но помнил наизусть предписанную внутренней инструкцией последовательность действий в чрезвычайной ситуации и механически выполнил все пункт за пунктом. В гостинице могли проживать американцы и руководители крупных международных компаний, поэтому начальство разработало строгий устав для охраны в случае нападения на объект и выдало разрешение стрелять на поражение. За доли секунды в голове у Хасиба промелькнуло

столько мыслей! Пальцы сами уже жали на курок, а ответ на вопрос, как поступить, так и не был найден… У него на глазах мусоровоз подбросило в воздух и уронило. Но на вспыхнувшее пламя, дым и разлетающиеся в разные стороны железки он смотрел не с того места на полдороге между деревянной кабинкой и главными воротами гостиницы, а откуда-то сверху, ощущая при этом необыкновенную легкость и умиротворение.

Хасиб заметил, как мужчину с белым полотняным мешком в руках отшвырнуло взрывной волной в сторону и он приземлился далеко от ворот. Видел, как посыпались стекла в номерах и треснули огромные витражи на первом этаже гостиницы. Через минуту облака дыма осели, и прошло не менее часа до приезда пожарных и скорой.

Все было кончено, а он продолжал глазеть в эту темноту, накрывающую город. Вдалеке включали в домах свет и зажигали огни автомобильных фар, чуть ближе вспыхнули фонари на мосту, засияло освещение стадиона, и в ослепительном свете прожекторов утонули минареты.

Перед ним текла река. В сумерках она казалась глубокой и спокойной. Ему захотелось дотронуться до водной глади рукой. Он никогда этого не делал, так как всю жизнь прожил далеко отсюда и лишь однажды проезжал по мосту на машине, даже не ведая, насколько вода внизу прохладная и какой у нее пресный привкус.

Вдруг на поверхности воды он заметил грузного мужчину в белой футболке и коротких белых шортах, обращенного лицом вверх. Всевышний! Какое наслаждение плыть так, созерцая звезды на ясном небосводе! Волнами мужчину сносило в его сторону. Поравнявшись, он взглянул на Хасиба и произнес:

– Что ты тут делаешь, сынок?.. Ступай, посмотри, что с твоим телом стало… Не следует здесь оставаться…

Чуть поодаль на воде качался другой мертвец, повернутый лицом вниз. Тот в гнетущей тишине медленно проплыл мимо.

3

Хасиб вернулся обратно к воротам гостиницы, к тому самому месту, где в земле после взрыва чернела огромная яма. Он огляделся вокруг, наткнулся на свой сожженный бумажник, но тела нигде не было. Он прошелся по соседним улицам, пересек площадь аль-Фирдаус и добрался до площади ат-Тахрир, на которой монумент Свободы был облеплен дремлющими голубями. Вдруг его осенила идея, и он свернул по направлению к кладбищу.

В Вади ас-Салям в ан-Наджефе Хасиб просмотрел все могилы, но ничего не нашел. В конце кладбища на плите у самой высокой насыпи, закинув ногу на ногу, сидел парень в красной футболке. На обоих его запястьях блестели серебряные браслеты, а на шее болталось украшение, сплетенное из черной веревки.

– Ты чего здесь?.. Не надо далеко уходить от своего тела.

– Но оно исчезло.

– Как так исчезло?! Нужно его отыскать… или найти любое другое… А то останешься неприкаянным!

– Как это неприкаянным?!

– Не знаю… Так говорят.

– А ты сам-то что здесь делаешь?

– Это моя могила… Здесь лежит принадлежавшее мне тело… Через какое-то время я уже не смогу выбираться наверх. Тело превратится в прах, и я навеки буду заперт здесь, под землей.

Разволновавшись, Хасиб присел рядом с парнем. Как быть? Он оказался совершенно неготовым к такому испытанию! Никто его не предупреждал, не рассказывал, что бывает с нами после смерти. Какая еще беда его ждет?

– Может, ты и не умер вовсе, а просто спишь?.. Да… Спишь, и все дела… Душа вышла из тела, но она вернется в него…

– Да что ты такое говоришь?! Мне нельзя… У меня ребенок маленький… Дочка…

Время шло, а он продолжал разговаривать с парнем с серебряными браслетами, который пытался образумить его и заставить идти искать тело. Ведь могло случиться так, что ему была предназначена жизнь заново…

– А иной раз душа покидает тело, ты умираешь, а потом Израэль меняет свое решение, видит, что допустил ошибку, и возвращает душу обратно. А Всевышний повелевает телу, и оно оживает… То есть душа – это как бензин в машине: чтобы она поехала, нужно включить зажигание, нужна искра.

Они молча сидели в кладбищенской тишине, пока до их слуха не донесся собачий лай и они не увидели приближающихся к ним грызущихся между собой черных, как сажа, псов. Парень с браслетами бросил в их сторону тревожный взгляд и приказал:

– Торопись! Ищи свое тело! Что с ним?.. Помоги себе! Иначе будешь блуждать!

4

Хасиб направился обратно к гостинице и возобновил поиски. Через несколько часов, побывав на всех улицах в округе и зайдя в конце концов домой, он застал жену, дочь и остальных членов семьи спящими. Перед рассветом с тяжелым предчувствием того, что на самом деле он мечется по замкнутому кругу, из которого не суждено вырваться, он был уже на полпути к тому месту, где душа рассталась с телом… Минуя квартал аль-Батавин, во дворе одного из домов он случайно заметил спящего голым человека, подошел ближе и обнаружил, что тот мертв. Каким странным, неестественным показался ему этот мужчина! Хасиб рассмотрел внимательнее его несообразную фигуру и жуткое лицо, поднял глаза к небу, меняющему цвет, и осознал, что с восходом солнца с ним произойдет нечто ужасное. Опять начинать поиски от ворот гостиницы и обходить все площади и улицы не было уже ни сил, ни воли. Он прикоснулся к мертвецу своей прозрачной рукой и ощутил, как его стало засасывать внутрь. Сначала в тело нырнула рука, за ней осторожно вошла голова, а потом и все остальное. Он чувствовал, как тяжелел и становился будто ватным. Погрузившись в тело полностью, он понял, что в нем нет души. А у его души как раз не было тела.

5

Ничто не происходит случайно, все имеет свой смысл. Они были нужны друг другу… Он лежал и дожидался, когда родственники покойного отвезут тело на кладбище и погребут его, вернее их обоих, засыпав землей. Не важно, чье имя будет высечено на могильной плите.

Глава 4
Корреспондент

1

В половине восьмого утра Махмуд резко очнулся от раската взрыва, прогремевшего на площади ат-Таяран. Из-за мучительной головной боли он не смог подняться с постели сразу и еще долго крутился под одеялом, пока около десяти не запищал мобильный.

– До сих пор дрыхнешь? – спросил главный редактор журнала «аль-Хакыка», где он числился внештатным сотрудником.

– Э-э-э… Я…

– Давай вставай и отправляйся в госпиталь аль-Кинди! Сделай фотки раненых, разговори медицинский персонал, пообщайся с полицейскими, нужен материал… Понял?

– Ладно… Сейчас соберусь.

– Давай быстро! Как говорится, не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. О'кей?

На выходе из гостиницы он столкнулся с Абу Анмаром, стоящим посреди кучи битого стекла и почему-то хлопающим в ладоши. Проходя по центральной улице квартала, Махмуд завернул в кофейню Азиза аль-Мысри наскоро выпить чашку чая. С собой он уже прихватил все необходимое – в черной кожаной сумке, перекинутой через плечо и хлопающей его по спине при ходьбе, лежали фотоаппарат, диктофон, блокнот и ручки…

Наконец на площади ат-Таяран перед ним воочию предстали последствия утреннего теракта. Место совсем опустело, словно вымерло. Котлован был не более чем два метра в диаметре, но обуглившиеся прилавки и тележки по периметру говорили о чудовищной разрушительной силе взрыва и о том, что жертв должно было быть множество.

Махмуд остановился в центре площади и, почувствовав, что настал момент записать свои впечатления, сделал глубокий вдох. Он достал диктофон, поднес его к губам и нажал на кнопку:

– Будь ты проклят, Хазем Аббуд! Вечное проклятье тебе!

Свободный художник-фотограф Хазем Аббуд должен был, по идее, жить на втором этаже гостиницы «аль-Уруба» в номере вместе с Махмудом. Но заглядывал он туда редко, в исключительных случаях, когда нуждался в тихой гавани для отдыха или убежище, если что-то случалось. Абу Анмар считал Хазема другом и не относился к нему как к клиенту, наоборот, был даже благодарен, что тот привел нового постояльца именно в его гостиницу. Махмуд стал третьим или четвертым проживающим в ней. А в лучшие времена заполняемость доходила до семидесяти человек!

Вчера к вечеру Хазему захотелось праздника. Хотя повода что-либо отмечать не предвиделось, он потащил своего приунывшего товарища в одно из заведений на Пятой улице квартала аль-Батавин. Махмуду все это пришлось не по душе, но он уступил под напором Хазема. Друзья выпили несколько банок холодного пива, и к ним присоединились две светлокожие девушки, несмотря на прохладную погоду одетые по-летнему. Они налегали на пиво еще часа два. Каждый раз, когда сидевшая рядом девушка задевала его, подняв бокал или потянувшись к закуске, у Махмуда учащался пульс так, что, казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Он никогда не участвовал в подобных застольях и не сидел, так близко придвинувшись к женщине. А Хазем все подливал ему, время от времени приговаривая:

– Если тебя что-то не устраивает, можешь идти хоть сейчас.

Но уходить Махмуд уже не собирался. Он пил, пока девушки сами не встали из-за стола и не потянули его за руку за собой. Совершенно пьяного, они отвели его в спальню на втором этаже. Через полчаса одна из них вышла из комнаты и, смеясь, вернулась обратно к столу. Вторая задержалась еще на целый час.

– Почему ты не пошел с ними? – спросил Махмуд Хазема, когда они выбрались на свежий воздух.

– Я?! Позже зайду. Самое главное, ты получил удовольствие?

– Да… Ты настоящий друг, – сказал Махмуд и нервно улыбнулся.

От количества выпитого у него слегка кружилась голова, руки и ноги как будто одеревенели, инстинкты вырвались на свободу, эмоции переполняли его. Когда они собирались уже заходить в «аль-Урубу», Хазем задержался у входа и закурил сигарету. Он с силой выпустил дым через нос, посмотрел на друга, перевел взгляд на свои пальцы, держащие сигарету, и произнес:

– Что я хотел сказать… При мне больше не упоминай Наваль аль-Вазир… Хорошо?.. Пусть проваливает!

– Хорошо… К черту ее!

Наваль аль-Вазир сама себя называла кинопродюсером. Полноватая сорокалетняя брюнетка, обладающая настоящей восточной красотой, которую подчеркивал легкий макияж, нанесенный точными и уверенными штрихами, – темно-красная помада на губах и подведенные черным карандашом широкие изогнутые брови. Платок она накидывала на голову небрежно и предпочитала однотонный костюм-двойку, каждый раз подбирая новую яркую бижутерию. И если спросить Махмуда ас-Савади, он назовет еще много деталей ее туалета, которые запомнит разве что одержимый. Но на одно крайне раздражающее обстоятельство Махмуд закрывал глаза: Наваль аль-Вазир была близкой подругой главного редактора Али Бахера ас-Саиди, известного журналиста и писателя, оппозиционного прежнему режиму и приближенного к политикам сегодняшнего дня, часто мелькающим на экране телевизора.

В редакции журнала, расположенной в квартале аль-Каррада, Наваль появлялась после полудня, проводила там чуть более получаса и уезжала вместе с ас-Саиди на его машине. В эти полчаса Махмуд вынужден был лицезреть ее в кабинете редактора, когда тот приглашал его разобраться с текущими вопросами. Махмуд всегда соглашался с мнением шефа и не обсуждал его поручения, потому что в присутствии этой женщины сидел как на иголках.

– У шефа очередная кукла для секса! – сказал ему однажды Фарид Шавваф.

Махмуд повздорил сначала с коллегой, доказывая, что тот строит свои обвинения лишь на домыслах, но затем, поразмыслив, признал его правоту, поскольку ну что еще могло связывать эту красавицу с Али Бахером ас-Саиди, если не постель?

Затем несколько раз так совпадало, что ас-Саиди не приходил на работу или сильно запаздывал и Махмуд оказывался в кабинете редактора с Наваль аль-Вазир один на один. Из беседы с ней Махмуд узнал, что она приступает к съемкам полнометражного художественного фильма о преступлениях прежнего режима. Ее творение обещает стать наиболее значимым событием отечественной киноиндустрии за последние годы. Ас-Саиди, со своей стороны, улаживал для нее некоторые формальности и добивался в различных государственных структурах, где у него имелись связи, разрешения на съемки… Наконец все объяснилось! У Махмуда как гора с плеч упала – он отбросил все грязные подозрения, которые вбивал ему в голову подлец Фарид Шавваф.

Он успокоился и вновь начал присматриваться к этой женщине, каждый день открывая для себя в ее внешности что-то новое. И опять он надоедал разговорами о ней своему близкому другу Хазему Аббуду. Но как ни странно, с того дня Махмуд стал незаменимым для ас-Саиди сотрудником, более того – безотказным: пойди туда, проведи интервью, следи за развитием

событий, посети пресс-конференцию, и так без конца. Махмуду приходилось вкалывать, как всем остальным в редакции, вместе взятым.

3

Карьеру журналиста Махмуд начал в апреле 2003 года в аль-Амаре с должности редактора местного еженедельника «Сада аль-Ахвар». Когда же Али Бахер ас-Саиди пригласил его в свой журнал, он писал для небольшой столичной газеты «аль-Хадаф». В Багдад он приехал именно тогда, когда масса народу из него бежала. В последнем накануне отъезда из аль-Амары телефонном разговоре Хазем Аббуд предостерег его:

– Пережди у себя, пока тут все не успокоится, потом приезжай!

Однако спокойнее в Багдаде не стало, стало только хуже. Махмуд не последовал совету товарища. Была крайняя необходимость уехать из этого городка. Если сказать точнее – нужно было скорее уносить оттуда ноги. О настоящих причинах столь внезапного переезда друга Хазем Аббуд узнает после.

Ас-Саиди связался с ним через их общего знакомого Фарида Шаввафа, уже принятого в штат журнала. С первой же встречи с ас-Саиди Махмуд проникся симпатией к начальнику, который был старше его как минимум на два десятка лет, однако сохранял прекрасную физическую форму и одевался с завидной элегантностью. За эти месяцы ас-Саиди не дал повода усомниться в своей профессиональной состоятельности: всегда бодр, энергичен, улыбчив, способен погасить любой конфликт, из-за чего бы ни разгорелась ссора и как бы далеко она ни зашла. Его настроение передавалось окружающим.

Наверное, поэтому Махмуд не мог сказать ас-Саиди «нет» и изо всех сил старался угодить, исполняя все его поручения от и до. Он изматывал себя, но продолжал доказывать шефу свою преданность, будучи глубоко убежденным, что все делает правильно, что так и надо.

– Да будь ты проклят, Хазем Аббуд! Отныне и во веки веков! – повторил он на диктофон, на этот раз нараспев, будто шиит, оплакивающий Хусейна.

Головная боль не отпускала. Надо было позавтракать сначала как следует, а не бежать на работу сломя голову голодным. Да и выпил он вчера через край, не смог сдержаться после того, как во взвинченном состоянии покинул бордель… Махмуд уже стоял у стойки регистратуры в госпитале аль-Кинди, но по-прежнему испытывал возбуждение. Он пялился на всех проходивших мимо медсестер и уборщиц, представляя каждую из них в развратной позе… От утомления он протер глаза и разгладил ладонями мягкую бороду. Если бы ас-Саиди увидел его в таком виде, то непременно бы сделал замечание:

– Ни к чему нагонять скуку на людей, с которыми общаешься! Будь позитивен! Излучай положительную энергетику! Сбрей бороду, смени рубашку и уложи по моде волосы! Используй каждую возможность, чтобы взглянуть на собственное отражение в зеркале, не проходи мимо даже припаркованной машины! Дай в этом деле фору бабам! Не будь таким традиционалистом!

– Что значит традиционалистом?

– Как у Антара бен Шаддада: «Дивись, любимая, уже два лета как я не мылся, а о маслах молчу».

Махмуд, в этот день не принявший душ, узнал, что уподобился сегодня поэту. Он впервые слышал эту строчку, но она произвела на него впечатление, и потом он не раз цитировал ее по делу и без дела.

Добиться допуска в палату к пострадавшим сегодня при взрыве на площади ат-Таяран не получалось. Увидев, что два журналиста и операторы нескольких спутниковых телеканалов уже работают с ранеными, Махмуд незаметно проскользнул внутрь, присоединился к их группе и прошел всюду по коридорам больницы за ними. Им достаточно было фактов и обрывочной

информации, а ему нужна была полная картина, детали и мнения для еженедельного выпуска. И не забыть сделать качественные снимки для иллюстраций!

Махмуд выполнил кое-как задание и, будучи не уверенным в успехе, поспешил все-таки покинуть госпиталь, поскольку валился с ног от усталости. По дороге он купил электробритву и зашел в кафе на улице ас-Саадун. Пообедав, он вымыл руки, сполоснул рот и стряхнул крошки с бороды, затем вытащил бритву и на глазах у изумленных официантов и посетителей быстрыми движениями сбрил бороду. Влажными пальцами он зачесал жесткие волосы назад и вышел. Через несколько шагов Махмуд снова достал диктофон и наговорил следующее:

– Рияд ас-Савади!.. Отец!.. Да помилует Всевышний твою душу!.. Из-за тебя я оказался здесь. По твоей вине пришлось сюда переехать… Как я вымотался! Ноги ноют, не получается нормально выспаться. Надо разобраться со всем этим до дня рождения. Мне скоро двадцать три…

По правде говоря, история была уже близка к развязке. Все вот-вот должно было закончиться… В редакции Махмуд, не теряя времени, приступил к написанию статьи, сбросил на рабочий компьютер отснятые кадры и уже болтал с Фаридом Шаввафом и остальными коллегами, когда за ним зашел Абу Джони и пригласил к главному редактору.

Махмуд переступил порог роскошного кабинета ас-Саиди. Тот одной рукой держал пульт и переключал каналы на огромной панели, закрепленной на стене, а пальцами другой, поднятой высоко вверх, словно ручку, сжимал толстую тлеющую сигару. Шеф спросил у него, что удалось сделать за утро, потом напомнил про серию эссе, о сдаче которых в тираж шла речь на днях, и выложил перед собой на стол высокую стопку бумаг. Он хлопнул по ней рукой, пролистнул и посмотрел на Махмуда:

– Вот сколько твои коллеги написали за месяц!.. Но, не будем кривить душой, это все не годится для печати.

Он закурил, глубоко затянулся и с наслаждением выдохнул густой дым. Махмуд уже начинал нервничать. Похоже, шеф собирался сообщить нечто важное.

– Уволю Зейда Муршида, Аднана аль-Анвара и эту тощую швабру… Мейсу… Своему приятелю Фариду скажи, чтоб за ум взялся… Пишет он сносно, но не выкладывается здесь по полной.

– Что я могу с ним сделать?.. Я думал, вы с ним на дружеской ноге.

– Не хочу с ним связываться… Он тот еще спорщик, перечить мне станет, дай только повод… Лучше б все силы отдавал работе… Намекни ему сам, как сумеешь… Прямо не надо говорить.

Махмуд тут же попытался представить, как он мог бы сделать Фариду намек, но у него ничего не вышло, и он молча уставился на ас-Саиди, который внимательно следил за телевизионной картинкой.

– Вот еще что, дружище… Ты, как я вижу, в поте лица трудишься…

Этого Махмуд никак не ожидал. Он был крайне удивлен после всех упреков и выговоров услышать такое от ас-Саиди. Для него самого не новость, конечно, но чтобы шеф оценил! Похоже, главный сменил гнев на милость.

Сигара в руке у ас-Саиди потухла, он смял ее в большой керамической пепельнице и взглянул на часы. Махмуд догадывался: Наваль аль-Вазир должна была появиться к этому времени, но не пришла. Он вспомнил о гнусных предположениях Фарида Шаввафа. Молчание затянулось. Но это было в стиле ас-Саиди – тот любил выдержать театральную паузу, придавая таким образом значимости собственным словам.

– Ты напористый… С завтрашнего дня приступаешь к работе в должности ведущего редактора журнала «аль-Хакыка»!

5

Все трое сидели напротив него за деревянным столом, накрытым красной скатертью и непромокаемой пленкой. Перед каждым стояла банка «Хайнекена», стеклянная кружка и тарелка с жареным арахисом. Себе Махмуд заказал содовую. Им так и не удалось уговорить его хотя бы на одно пиво. Махмуда так и подмывало рассказать им. Он разглядывал их смеющиеся лица: Зейд Муршид, Аднан аль-Анвар и Фарид Шавваф. Насчет первых двух ас-Саиди уже все решил, да и третьего могли скоро выгнать из журнала – его судьба висела на волоске. Что касается самого Махмуда, то он стал вторым лицом в редакции. Как им сказать об этом потактичнее, чтобы они сгоряча не перевернули на него стол? Сообщить о решении ас-Саиди сейчас, прежде чем они напьются и потеряют над собой контроль? Или подождать, пока расслабятся и смогут выдержать удар? А может, ему тоже выпить для храбрости и ошарашить эту троицу плохими новостями? Махмуд никак не мог выбрать и в конце концов отложил разговор до завтра.

Они дурачились, Фарид Шавваф был особенно весел, время от времени мечтательно задумываясь о чем-то своем. В последние дни он дописывал сборник удивительных историй из жизни современного Ирака.

«Жаль, что не успеешь закончить книжку, друг… Потом не до этого будет!» – подумал про себя Махмуд, слушая воодушевленную речь Фарида о том, как важно эти фантастические, но действительно имевшие место случаи описать и сохранить для потомков, иначе весь этот интереснейший материал пропадет.

– А почему бы тебе не вести колонку в нашем журнале? – спросил Махмуд. – Страничка пользовалась бы успехом.

– Что?! В журнале? Прочитали, выбросили и забыли? Я говорю о книге!

– Одно другому не мешает. Сначала мог бы опубликовать их в журнале, потом выпустить книгой.

– Нет, не то… Надо сразу настраиваться на большой формат.

– Ну хорошо, тогда издавай сначала книгу, после напечатаем по частям у нас.

Зейд Мурщид и Аднан аль-Анвар переглянулись и громко расхохотались. Фарид же от обиды завопил:

– Да идите вы со своим журналом! Нужен он мне!

Интерес у Махмуда к этой теме мгновенно испарился… В заведении царил полумрак. В задымленном зале не протиснуться, полно молодых людей, еще больше мужчин в возрасте, с животами, усами и блестящими залысинами, почти все они, как узнал потом Махмуд, приехали из пригородов Багдада, а кто-то даже издалека. Все прелести подпольного бара без лицензии, скрываемого за вывеской обычного кафе. Убогое место, однако часто посещаемое Фаридом Шаввафом и компанией.

Друзья вышли слегка навеселе, то и дело отпуская шутки по поводу содовой, которой ограничился сегодня Махмуд, и вразвалку направились к площади. Оттуда Фарид Шавваф собирался взять такси до аль-Каррады, где снимал квартиру, а Зейд Муршид и Аднан аль-Анвар на другой машине планировали поехать в Баб-аш-Шарки.

Грязно-серый оттенок неба предвещал скорый закат. Они встали на площади аль-Фирдаус со стороны, противоположной гостинице «Новотель», и посмотрели налево, где парковались машины. Фарид без умолку трещал о своей книге, вместо того чтобы перейти дорогу и проголосовать. Но если бы в ту секунду он оказался на другой стороне, то нашел бы верную смерть. Там как раз разворачивался, чтобы на полной скорости устремиться к металлическим воротам гостиницы, оранжевый мусоровоз, груженный десятками килограммов динамита, спо-

собными произвести такой чудовищный взрыв, который эти четверо за всю свою жизнь не видели.

Фарид не мог совладать с собой: а что, если бы он оставил приятелей и перебежал улицу? Он раз за разом прокручивал в голове этот вполне реальный сценарий, ведь именно в десятке метров от главных ворот гостиницы он обычно ловил такси.

В момент взрыва они упали навзничь, и их присыпало землей и камнями. Первое, что пришло каждому на ум, что он ранен. Но уже через минуту, придя в себя и осмотревшись, они, движимые каким-то бессознательным порывом, спешили к месту взрыва. На приличном расстоянии от воронки на асфальте лежало тело мужчины без признаков жизни. Махмуд ткнул его пальцем, и мужчина зашевелился. Они подняли его на ноги, и Махмуд тут же узнал его – это Хади-враль, как прозвали его завсегдатаи кафе Азиза аль-Мысри. Хади обвел молодых людей взглядом, полным ужаса, вырвался из их рук и, несмотря на последовавшие крики, быстро зашагал прочь. Они были уверены, что он ранен, но ничего не соображает от шока.

Больше нечего было рассказывать. Других жертв теракта они не видели. Понятно, что смертник, сидевший за рулем взорвавшегося мусоровоза, сгорел дотла. Так они думали, наблюдая за служащими гостиницы, высыпавшими на площадь перед входом. Послышался вой сирен полицейских автомобилей, и они решили поехать в направлении Баб-аш-Шарки.

На площади ан-Наср Зейд Муршид и Аднан аль-Анвар сели в такси. Фарид передумал идти пешком и тоже остановил машину. Он был рассеян и крайне встревожен, от выпитого в подпольном баре спиртного не осталось и следа.

– Сейчас ты мог быть мертв… Язык без костей, поэтому жив остался… А все благодаря твоей книге и этим мистическим историям, – сказал ему Махмуд, расставив в своей речи такие же эффектные театральные паузы, как ас-Саиди.

То ли от потрясения от пережитого, то ли осмысливая последние слова Махмуда, Фарид продолжал сидеть с широко распахнутыми глазами, уставившись прямо перед собой.

Когда машина с Фаридом Шаввафом тронулась, Махмуд ощутил небывалый прилив сил и решил преодолеть расстояние до гостиницы «аль-Уруба» пешком. Он достал сигарету и сунул ее так и не зажженной в рот. Ему казалось странным, что в этих обстоятельствах, да еще после разыгравшейся на его глазах трагедии, он испытывает чувство полнейшего удовлетворения. Но копаться в себе и выяснять причину такого противоречия он не стал. В голове крутилась только одна фраза. Внезапно нахлынуло вдохновение, он вытащил диктофон и нажал на кнопку записи:

– Будь позитивен!.. Излучай положительную энергетику!.. Вот путь к спасению… Будь позитивен!.. Излучай положительную энергетику!.. Путь к спасению… – повторял он раз за разом как одержимый, пока не понял, что батарейка села.

Глава 5
Тело

1

Она позвала:

– Даниэль!.. Поднимайся, Дани!.. Сюда, сынок!

Он тут же привстал. Все произошло именно так, как описывал ему вчера на кладбище ан-Наджефа парень с серебряными браслетами. Старушка своим голосом заставила очнуться и вздрогнуть это собранное из фрагментов разных тел существо, в которое вселилась неприкаянная душа охранника. Женщина вернула его из небытия, даровав ему имя – Даниэль.

«Даниэль» посмотрел в ее сторону. Старушка появилась в дверном проеме полуразрушенной комнаты второго этажа. Седые пряди, выбившиеся из-под небрежно повязанного на голову черного платка, развевались на ветру. Края тесной шерстяной кофты были обтрепаны. В ногах у нее терся кот с исколтунившейся шерстью, который, поджав от страха хвост, таращился на него расширившимися зрачками. Взбудораженное животное издавало короткие сдавленные звуки, словно разговаривало само с собой. Было почти шесть утра, в округе стояла тишина. Сон Хади Барышника, который лежал в постели по соседству, постанывая от боли, должен был продлиться до полудня.

По сваленному в кучу кирпичу, как по лестнице, он перебрался на просевший потолок комнаты, а затем, следуя за старухой и котом, спустился к ней в дом.

В гостиной она придвинула печку к нему поближе, вышла и через несколько минут принесла пропахшую нафталином белую мятую рубашку, старый зеленый пиджак и джинсы. Все это, бережно хранившееся у нее долгие годы, она достала из шкафа Даниэля. Илишу положила вещи перед ним, попросив их надеть, взглянула на него последний раз и оставила одного, ни о чем не спросив. Она обещала своему покровителю не задавать лишних вопросов. Даже без очков, которые она не надела, хотя они висели у нее на шее, Илишу разглядела, что этот человек не слишком похож на Даниэля. Но это было неважно. Не все возвращаются к нам в прежнем облике. Она слышала много историй, которые могли бы объяснить все эти несоответствия. Сколько всего рассказывали женщины о спасенных и вернувшихся, трудно узнаваемых родных, черты которых, казалось, бесследно стерлись из их памяти. Илишу верила, что случившееся с ней было чудом, а в каком виде оно ниспослано – не нам судить. Она решила достать забытую в углу одной из пустующих комнат большую икону своего покровителя и повесить ее на видное место, но обнаружила, что изображение покрылось пылью, налетевшей через неплотно прикрытые ставни. Теперь она раскаивалась, что бросила ее здесь на годы, и до смерти была напугана, что в наказание ее связь с тем миром будет оборвана.

Илишу оставила этого странного нагого человека рассматривать стены и мебель. Он приподнялся и подошел к одной из фотографий – мужчина пятидесяти лет с черными ниточками усов в европейском костюме. Рядом – гладко выбритый молодой человек с копной непослушных волос и взглядом, как будто в полудреме, направленным поверх объектива камеры. Он прильнул к фотографии на стене еще ближе. Нет сомнений, снимки сделаны лет двадцать назад. Вдруг в стекле от рамки он заметил собственное отражение. Потрясенный первым знакомством с самим собой, он стал ощупывать пальцами швы на лице и шее. Какой урод! Почему же старуха не испугалась его вида? Он перевел взгляд на икону – святой воин на белом коне вонзал копье в глотку мифическому Змею – и вгляделся получше: у воина было чистое, нежное лицо с утонченными чертами, как, впрочем, на изображениях всех святых… Старуха что-

то готовила к завтраку, было слышно, как она гремит посудой. Он не спеша оделся, все пришлось ему впору, посмотрелся в стекло от фотографии Даниэля, и тут до него дошло: молодой человек на снимке одет в точности так же – белая рубашка с широким стоячим воротничком и пиджак с лацканами, напоминающими латинскую букву v. Если бы не шрамы на лице, то теперь между ними можно было найти сходство. Именно этого добивалась старуха! Вот что она хочет увидеть, когда вернется в гостиную!

Он еще раз повернулся к изображению святого, на которое через окно падал дневной свет. Его внимание привлекло мастерство, с каким были прорисованы складки ярко-красной накидки, разлетающейся за спиной готового нанести удар и застывшего в напряжении воина. Что за чудная икона! Какие тонкие красивые губы! Неожиданно они пришли в движение:

– Будь осторожен!

Да, действительно, он говорил:

– Эта женщина несчастна!.. Если причинишь ей боль или обидишь, клянусь, воткну копье тебе в глотку!

2

Даниэль, или, вернее, его двойник, заснул на диване в гостиной. Старушка накрыла его мягким пледом и вернулась к хлопотам по хозяйству, которые обычно ограничивались протиркой уже отмытого до блеска накануне, стряхиванием пыли с мягкой мебели, икон и рамок от фотографий и перекладыванием с места на место ненужного скарба во дворе. Все эти дела, в которых не было никакой нужды, отнимали у Илишу добрую половину дня.

Кот опять улизнул на крышу и оттуда наблюдал за тем, что творилось во дворе соседнего дома: Хади Барышник от отчаяния рвал на себе волосы и сновал туда-сюда в поисках сшитого им тела, которое, как он уже начинал думать, ветром прибило к какой-нибудь стене или до сих пор носило в чистом небе.

Превозмогая ноющую боль в суставах и затылке, Хади вышел за ворота. По дороге он тщательно исследовал каждый метр и обращал внимание на всех проходивших мимо в надежде заметить что-то необычное. Просто так остановить соседей и спросить у них: «Извините, вы тут не видели труп мужчины, совсем голый? Мертвец не попадался?» – он не мог. Ведь все знали, какой он враль. Даже если бы Хади поклялся, что сегодня завтракал яичницей из двух яиц, чтобы ему поверили, он должен был бы предоставить свидетелей, которые подтвердили бы его слова. А что говорить о голом трупе, собранном по частям из обезображенных тел?

Он осмотрел с улицы крышу дома Умм Даниэль и провел взглядом поверх соседних домов. Можно было предположить, что кто-то затащил тело туда, но ничего подозрительного не обнаружилось. Хади опрометью вернулся домой, пооткрывал все серванты и шкафы, сваленные во дворе, и опять выскочил на улицу. Он несся по узким переулкам, пока не споткнулся обо что-то напротив старика Абу Зейдуна. Тот сидел, развалившись, на белом пластиковом стульчике у входа в собственную парикмахерскую и с безразличием смотрел перед собой в одну точку. Хади хотел было к нему обратиться, но понял, что старик ничего и никого бы не заметил даже перед своим носом. Зато у остальных удалось выяснить следующее: владелец прачечной «аль-Ахавейн» сообщил, что полиция с утра вламывается в дома к жителям квартала в поисках членов вооруженной банды, промышляющей похищением женщин и переправкой живого товара за границу. Парень, работающий в пекарне, поделился, что спецслужбы вместе с американцами охотятся на террористов, которые пробрались в столицу из провинции, и прочесывают один отель в районе за другим. Между делом Хади шепнули, что две молоденькие проститутки, с которыми он раньше проводил время, сегодня утром уехали в Сирию работать в одном из борделей, поскольку здесь они не делали выручки. Потратив на сплетни полдня, он узнал еще много всяких новостей, но о пропавшем трупе – ничего.

3

Умм Салим аль-Бейда несказанно обрадовалась, встретив соседку у мясника и увидев, что та берет четверть кило говядины и килограмм хорошо промытых бараньих кишок, а потом направляется в лавку к зеленщику. На голове у нее, как в молодости, был повязан красный платок с белыми нежными бутонами. Что же должно было стрястись, чтобы она сняла с себя черное покрывало вдовства и скорби?!

Женщины вместе закончили делать покупки и медленно направились вниз по переулку в сторону дома. Умм Салим описала последствия прогремевшего вчера ужасного взрыва – в некоторых домах стены покрылись паутиной трещин, а с потолка осыпалась штукатурка. В ответ от Илишу она услышала, что в это самое время старушка была на полпути в церковь, грохот раздался у нее за спиной, но видеть она ничего не видела. Для Умм Салим этого было достаточно, чтобы найти объяснение всем свалившимся на них напастям и еще больше убедиться в том, что перед ней блаженная.

А когда Умм Салим спросила у нее о красивом красном платке, Илишу тихо ответила, устремив взгляд куда-то вдаль:

– Траур окончен… Господь услышал мои молитвы.

– Слава богу! Слава богу! – как из пулемета застрочила, причитая, Умм Салим, однако голос ее резко оборвался, когда соседка сообщила о возвращении сына. Умм Салим остановилась на месте как вкопанная и не могла взять в толк, что именно Умм Даниэль имеет в виду.

Когда они дошли до дверей, Умм Салим, прежде чем попрощаться, спросила:

– А сейчас он дома?

– Да. Он спит. Устал.

Губы Умм Салим скривились, как у человека, который глубоко о чем-то задумался, но в дом, чтобы удостовериться в словах Илишу, она не вошла. И в этом она впоследствии будет сильно раскаиваться. Хозяйка торопилась приготовить обед мужу, который целый день молча сидел на балконе второго этажа над переулком и был поглощен перечитыванием старых газет и книг. Признание старушки Умм Салим не приняла всерьез: слишком странные вещи как бы между прочим она говорила, чтобы вот так сразу их осознать. Она разберется с этим потом, ну уж точно после обеда.

Однако, судя по всему, Умм Салим так ничего и не поняла. К вечеру она совсем забудет об этом, когда ее средний сын неожиданно заявит, что хочет жениться, и назовет ей имя будущей невестки. И тогда Умм Салим будет уже не до сына старой соседки, который вернулся с войны спустя двадцать лет. А дальше последуют такие удивительные события, что она сама встанет во главе тех, кто будет настаивать на помешательстве Илишу. Таким образом старушка потеряет последних из сочувствующих ей.

4

Барышник вернулся домой и обшарил двор метр за метром в поисках пятен крови или человеческих органов, которые он, держа в своих руках, сам заштопывал. Но ничего обнаружить не удалось. Ливень, обрушившийся вчера на город, смыл все следы, если они, конечно, были. До конца дня он провалялся на кровати, уставившись в потолок, изъеденный сыростью. Время от времени он переводил взгляд на стену, где висел аят «аль-Курси», приклеенный его покойным товарищем Нахемом Абдеки. Один из краев картонки от влаги отстал от стены и загнулся внутрь. Если с силой дернуть, возможно, получится содрать ее со стены целиком. Хади размышлял о том, что все не так уж и плохо для него складывается. Ведь он хотел в конце концов избавиться от тела, а теперь не нужно ломать голову, как это сделать, не нужно рубить

его на части, выдергивать нити из швов и прятать органы по помойкам в темных закоулках или подбрасывать их на площади, поскольку труп испарился сам собой.

Вечером Хади собрался было зайти в кафе Азиза аль-Мысри, но увидев, что там полно народу и его друг не сможет с ним поговорить по душам, он развернулся и направился к аль-Амерли еще раз попытаться уговорить старика продать мебель. Начали с того же – с обсуждения цены. Уже в десятый раз аль-Амерли рассказывал ему о том, когда был сделан старинный граммофон, где и при каких обстоятельствах он его приобрел, и так про каждую вещь по порядку.

Что, если этот аккуратно одетый и гладко выбритый старик узнает, что перед ним стоит преступник, копавшийся в человеческих останках? Да он просто проводит его по коридору до порога и выставит за дверь.

Хади будет пересказывать эту историю во всех подробностях не один раз. И не упустит ни малейшей детали, делающей ее еще более жуткой. Опишет он и этот самый тревожный в своей жизни день. А слушатели подумают, что это, пожалуй, самая удачная за все время выдумка Хади-враля.

Он сидел в кафе, и ему не надоедало каждый раз возобновлять свой рассказ с того места, где он прервал его накануне. Рассказчик погружался в хитросплетения своей волнующей истории и, доставляя удовольствие другим, сам начинал верить в то, что весь сюжет от начала до конца – это плод его необузданной фантазии и ничего такого на самом деле и в помине не было.

5

Илишу сделала курт, затем смешала очищенную полбу с булгуром, добавив нут и приправы, и скатала мясные шарики. Для традиционных блюд, которые она так виртуозно готовила, было мало поводов. Ну не коту же их скармливать! Однако в этот раз все было по-другому. Сегодня в ее доме самый дорогой гость, и она должна соблюсти все традиции. Наконец ее молитвы дошли до Господа Бога и она получила обещанное. Старушка возблагодарила судьбу и прошептала:

– Благодать-то какая! Господь наш, Иисус Христос, возлюбивший нас до того, как мы возлюбили Его!

Прожив в квартале аль-Батавин столько лет, Илишу впитала все привычки его обитателей. Она верила, что свершившееся – ее уговор с Богом, несмотря на то что отец Иосия не раз учил ее ложности этого убеждения:

– Мы не ставим условия Богу, как мусульмане… Ты – мне, я – тебе, если дашь то, я тебе сделаю это…

Она, конечно, кивала священнику, но все равно не видела никакого греха в том, чтобы заключить со Всевышним сделку, как это делает Умм Салим аль-Бейда и другие соседки. Бога она понимала не так, как отец Иосия. Бог, он не где-то высоко и далеко, властвующий и суровый. Он здесь, это добрый старый товарищ, от дружбы с которым никуда не денешься.

Гость Илишу не притронулся к блюдам, которые она перед ним расставила. Сама она проглотила кусочек, остальное бросила коту, облизавшему все тарелки, и сделала вид, что не заметила, что сын, или его призрак, даже не испачкал руки маслом. Может быть, он не голоден? Нет, она не будет задавать вопросов, чтобы не сбежал.

Все оставшееся время до поздней ночи она без умолку болтала перед своим притихшим гостем, как будто обращалась к самой с себе, коту или изображению святого на стене гостиной. Ни о чем важном она с ним заговорить не решалась. Прервалась она, только когда постучал доставщик газа, чтобы заменить ей пустой баллон на полный, который сам донес и помог старушке установить. На низкой высоте пронеслись американские самолеты. Дом от их вибрации сотрясся, а в открытое окно налетели пух и перья голубей соседского мальчишки Абдель Раз-

зака. Никто из знакомых – ни Умм Салим, ни даже красавица армянка Диана, которую мать Вероника Муниб Умм Андро выпихивала всегда из дома к Илишу разузнать, не нуждается ли та в чем, – не навестил ее в тот день.

Она продолжила говорить перед призраком сына, который наконец обрел человеческий вид. Один за другим она открывала ему тайники своей души, словно исповедовалась, пока не задремала на кушетке напротив дивана, где сидел этот странный, словно набравший в рот воды человек. А когда очнулась, застала его наблюдающим за уходящим в окне светом.

Илишу вспомнила, как она рассорилась с мужем, когда тот согласился принять пустой гроб. Тидарос, мелкий чиновник в транспортном управлении города, в сопровождении родственников, друзей и коллег привез на столичное кладбище Церкви Востока гроб с одеждой и щепками сломанной гитары Даниэля, установил надпись на ассирийском и арабском «Оох курах Даних» (Здесь покоится Даниэль) и вернулся домой.

Она не пошла с ним, потому что сердце подсказывало ей – сын жив. Просто невозможно, немыслимо, чтобы он умер вот так. Она ни за что не признает его смерть, не будет туда ходить и ухаживать за этой могилой. Однако на место погребения сына ей пришлось однажды взглянуть – когда в землю рядом опустили Тидароса. Все внутри сжалось, как только она прочитала имя Даниэля на известковой табличке на соседнем бугорке. Но все равно она не поверила, даже по прошествии стольких лет.

В то время одну из комнат на втором этаже ее дома занимала семья Ниноса Малико. Матильда была замужем за младшим брата Ниноса, и они волею судеб в какой-то момент стали ближайшими родственниками Умм Даниэль после всех пережитых ею потерь и отъезда обеих дочек за границу. Новые члены семьи Илишу разделяли ее веру в возвращение Даниэля. Людей в то время пропадало без вести очень много, и некоторые из них позже все же объявлялись. О таких случаях можно было слышать до сих пор. У самого Ниноса один из братьев вернулся живым после многолетнего иранского плена, но со сломанной психикой и обращенным в ислам шиитского толка. Молодому человеку понадобилось несколько лет, чтобы прийти обратно к своей вере. Хотя кто знает, не притворился ли он, что перестал быть шиитом, чтобы пресечь все пересуды, преследующие семью после его освобождения.

Пленники воссоединялись с родными и в девяностых, после второй войны в Заливе. А с введением санкций против Ирака мужья Хильды и Матильды окончательно решились на эмиграцию. Дочери не желали уезжать без матери, но та категорически отказывалась бросать дом, оставаясь твердой как скала. Препирательства продолжались целый год, здесь жить становилось все тяжелее, но старушку было не побороть. В конце концов она заставила дочерей поверить, что приедет к ним, как только они обустроятся на новом месте и когда она убедится, что Даниэль не отыщется. Но надежду на это она не теряла.

Семья Ниноса была для нее напоминанием о ее девочках, пока однажды его жена не обвинила Илишу в том, что та ведьма, сглазила обоих ее детей и именно она виновата в том, что их шестилетний сын до сих пор не говорит. Женщина стала побаиваться старушки, ее трясло от страха, когда она заходила к ней в комнату и заставала Илишу разговаривающей с иконами или котами, которые со всей округи сбегались тогда в ее дом и ощетинивались на каждого, кто к ним приближался, чтобы прогнать прочь. Она сказала мужу, что ясно слышала, как один из хвостатых отвечал Илишу. «Они заколдованы! Старуха заточила человеческие души под кошачьи шкуры!» – в истерике визжала она.

Нинос, конечно, не принял всерьез все эти сказки, но не стал перечить доведенной до нервного срыва жене и согласился на переезд. У него были и другие причины, чтобы с вторжением американцев в Багдад направиться в Эрбиль. Дочерей Илишу он в известность не поставил, а сама хозяйка не возражала против его отъезда, сделав вид, что ее это не касается. Скорее всего она была даже рада. То, что мать осталась одна в огромном пустом доме в центре

неспокойного города, для дочерей стало настолько неожиданной новостью, что все их черные мысли и страхи разом выпрыгнули наружу, как черт из табакерки.

Тогда они созванивались с матерью каждое воскресенье по спутниковому телефону, установленному в церкви Святого Одишо. И если Умм Даниэль по какой-то причине не являлась, то их спешил успокоить отец Иосия. Сеанс связи длился, как правило, не больше минуты, поскольку священник заботился о том, чтобы все желающие прихожане, которых было немало, успели по нему поговорить. Через полминуты после начала разговора с любой из дочерей у нее разгорался спор, который достигал высшей точки кипения именно на шестидесятой секунде, когда связь обрывалась либо отец Иосия сам вытаскивал телефон из рук Илишу. Дочери якобы хотели прилететь в Багдад и увезти мать силой. Но это были просто слова, никогда не доходившие до конкретных дел. Вероятно, потому, что не так уж велико было их желание забрать мать к себе. Прерванный на полуслове разговор старушка продолжала вести сама с собой или хватала за руку какую-нибудь женщину в церкви и принималась горячо ей доказывать, что не может бросить родной дом и отправиться неизвестно куда. Отец Иосия поддерживал ее, так как считал, что оставаться здесь – религиозный долг каждого, иначе страна опустеет. Да и когда раньше ассирийцам жилось лучше? Но они терпели и продолжали здесь жить. Думать только о себе неправильно. Так говорил им отец Иосия в своих проповедях.

Дочери сыпали угрозами, что приедут, заставят ее продать дом и увезут с собой. Но, в сущности, их обещания были пустым звоном. В январе отец Иосия попросил Илишу приютить членов семейства Санхиро, бежавших от конфессиональной чистки в одном из южных пригородов Багдада. Они заселились в ту же комнату, в которой когда-то жил Нинос Малико. Через несколько недель беженцы эмигрировали в Сирию и оттуда просили убежища в Европе. Однако после их отъезда бесследно пропали три ее кота. Раздувшийся труп четвертого она обнаружила на крыше и подумала, что животное задело осколком либо кот проглотил кусок тухлого мяса.

Полчаса Илишу рассказывала о своих питомцах и том, как в конце концов с ней остался один Набо. Затем неожиданно она заговорила об Абу Зейдуне, том партийном активисте, который затащил ее сына в армию и заставил воевать. Он сдавал властям дезертиров и уклонистов, как Даниэль, который отказывался брать в руки оружие и проходить военную подготовку в лагере. Мальчик мечтал получить музыкальное образование. Как он любил играть на гитаре! Хотя ему не все давалось легко, он бережно хранил инструмент в платяном шкафу… Абу Зейдун силой отвез его в лагерь, откуда Даниэля очень скоро бросили на передовую, и дальше от него вестей не было. С того самого времени Абу Зейдун стал ее заклятым врагом. Когда к дому привезли пустой гроб с остатками одежды Даниэля и какими-то личными вещами, Тидарос поднялся, вытащил гитару из шкафа и от отчаяния с размаху расколол ее об пол. Он не хотел ломать ее, единственную память, оставшуюся от сына, но в голове у него помутнело и он не смог сдержать себя.

Обломки гитары положили вместе с вещами в другой гроб, из красного тика, который специально заказал Тидарос, его и спустили в могилу. Щепки в пустом ящике, дом, из которого навсегда ушел единственный сын, и враг, расхаживающий по улицам с наглой ухмылкой и хлыстом в руках, которым он бил всех, кто преграждал ему путь. Люди в страхе разбегались, и только Умм Даниэль продолжала стоять и глядеть ему прямо в лицо. Она окликала его и проклинала при каждой случайной встрече. Так продолжалось до тех пор, пока сам Абу Зейдун не начал ее сторониться и прятаться, только завидев. Когда он проходил по Седьмой улице, то весь скукоживался, ожидая, что она выскочит из дома и обрушится на него с новыми страшными ругательствами. Перед свидетелями она пообещала, что в день смерти этого мерзавца принесет в жертву Всевышнему барана. Умм Даниэль дала еще один обет, но хранила его в тайне, боясь, что об этом узнает отец Иосия и пристыдит ее. Ее молчаливый гость стал первым, кому она об этом сказала.

Когда стемнело, Илишу закончила один свой путаный рассказ и приступила к следующему, растянувшемуся до глубокой ночи. Тысячу раз она повторила гостю, что сердцем знала, что он вернется, а ей никто не верил – ни кума Антуанет, ни сноха Явариш. Кто-то из родственников не дожил до сегодняшнего дня, другие уехали за границу. Она достала и показала ему в желтом свете лампы альбом со старыми фотографиями. Вот он в детстве стоит на хорах в церкви в нарядной одежде. Вот он в компании одноклассников в каком-то кафе. А вот он широко улыбается в спортивном костюме, поставив правую ногу на футбольный мяч и лихо подбоченясь. Так делали все мальчишки, копируя позу знаменитого бомбардира Али Казема. Иначе, как они думали, фотография выходила неудачной. На другом снимке, бледном, с пятнами от влаги, он стоял по центру среди игроков своей футбольной команды и пытался сзади обнять руками всех сразу… Гость долго всматривался именно в это фото, а когда закончил перебирать альбом, резко вскочил. Им овладело любопытство, и он пошел побродить по другим комнатам дома. Илишу же осталась сидеть на диване, рассматривая неподвижное изображение своего покровителя. Она предчувствовала, что в эту ночь оно не оживет и святой ничего ей не скажет.

Раздался грохот падающей посуды. Наверняка в темноте он обо что-то споткнулся. Затем заскрипела лестница: он поднимался по ступенькам наверх. Через несколько минут он спустился с какой-то вещью в руке и наскоро спрятал ее в карман брюк. Вдруг он заговорил! Наконец она услышала его голос! С хрипом он проговаривал слова так, будто открывал рот в первый раз за всю жизнь. Речь давалась ему с трудом. Он сообщил ей, что ему надо отойти. Она уже собиралась спросить у него: «Куда же? Ты только вернулся! Зачем куда-то идти? Все, кто выходит через эту дверь, уже не возвращаются! Как будто, переступая порог, проваливаются в никуда!» Она была готова кричать… Но вместо этого Илишу, онемев, ухватилась за край его зеленой рубашки. Она прикоснулась к его руке, показавшейся ей безжизненной, как ветка усохшего дерева, захотела взглянуть ему прямо в лицо, но ничего там не увидела, потому что было слишком темно. Он отвел глаза. К нему подошел кот и, сладко мурлыча, стал тереться об его ногу.

– Не переживай!.. Я вернусь, – невозмутимо сказал он, выдернул рубашку из ее рук и направился к двери.

Она слышала, как он, тяжело ступая, удалялся, пересекая двор, а затем, стараясь не шуметь, прикрыл за собой ворота. В ее большом доме снова стало тихо и одиноко. Она почувствовала, что очень устала. Сильно хотелось пить. Со свербящим сердцем Илишу присела напротив изображения святого Георгия. Она собралась задать ему вопрос, но не нашла для этого сил, взглянула на него еще раз и заметила, что его доспехи переливаются ярким светом, словно кто-то натер их до блеска. Сияние пробежало и погасло. Она ничего не смогла выговорить. Она была опустошена. Следующие несколько дней Илишу будет хранить молчание. Она всматривалась, то и дело моргая, в тусклый луч лампы, направленный на святого. Кот в поисках тепла свернулся клубочком у нее на коленях.

Глава 6
Удивительные события

1

Два полицейских пикапа перегородили Первую улицу на въезд и на выезд. Из них выскочили пять вооруженных полицейских, тут же оттеснивших зевак за ограждения, и американец из военного патруля. С самого утра улица была пуста, лишь изредка любопытствующие и испуганные граждане осторожно выглядывали со старых балкончиков, которые, казалось, в любой момент рухнут вместе с ними. В гробовой тишине один из полицейских вытащил фотоаппарат и начал щелкать затвором.

Несколько минут спустя появился запыхавшийся, трясущий при каждом шаге густой бородой Фарадж ад-Далляль. Под мышкой у него была зажата кожаная папка, из которой он при всех проверках доставал ворох разрешений и справок.

Американец тотчас приступил к допросу: знает ли он, что это за дом и кто в нем живет, что он может сообщить о случившемся. Переводчик, также одетый в военную форму, перевел слова американца, обращаясь к трепещущему ад-Даллялю таким тоном, словно читал приговор. Несмотря на свой авторитет в районе, перед американцами ад-Далляль терял всю прыть. Он понимал, что им предоставлена полная свобода действий и ни перед кем в этой стране они отчитываться не будут. Поэтому лучше не попадаться им под горячую руку. Ад-Далляль еле разомкнул пересохшие губы и выговорил, что это его дом. Точнее, он уже пятнадцать лет арендует его у государства и исправно вносит плату на счет финансового управления города. При этом он вытащил из папки бумажки и дрожащей рукой протянул их стражам порядка.

Американец развернулся, указал пальцем на стену – там в положении сидя окаменели трупы четырех местных попрошаек – и снова спросил Фараджа, знаком ли он с ними. Ад-Далляль кивнул и ощутил, как кровь стынет в жилах. И это только начало дня! Кто-то расправился с беднягами! В каких странных позах настигла их смерть! Что за Божья кара!

Они сидели друг против друга, их тела соединялись в правильный квадрат, причем каждый из них держал за горло соседа, к которому был повернут лицом. Все это скорее походило на какую-то страшную картину или сцену из безумной театральной постановки. Рваная грязная одежда. Головы свешены на грудь. Если бы Хазем Аббуд сделал снимок этой жути и участвовал с ним в международном конкурсе, нет сомнений, получил бы приз.

С обеих сторон улицы толпилось все больше зрителей, трусливые головы с балконов высовывались все чаще. Свидетелей становилось много, и это не нравилось американцу. Он подал полицейским знак рукой, чтобы они поторапливались. Они записали номер телефона ад-Далляля и предупредили, что, если ему станет что-либо известно о преступлении или отыщутся очевидцы, он должен передать информацию в отделение полиции на улице ас-Саадун. Фарадж с облегчением выдохнул. Он разгладил бороду, взял в руки четки, осмелев, приблизился к попрошайкам и взглянул на них сверху вниз с нескрываемой брезгливостью.

Полицейские, надев белые резиновые перчатки, расцепили руки и шеи убитых, затем в спешке погрузили трупы в пикап и уехали.

Улица тут же заполнилась людьми, окружившими Фараджа ад-Далляля и забросавшими его вопросами. Кого-то он отпихнул, мальчишку хлестнул длинными черными четками и зашагал по делам.

А сверху из разрушающегося старого дома прямо напротив логова попрошаек за всем происходящим через щели в деревянных ставнях, ничего не упуская, следил старик. Точно

так же он наблюдал за улицей вчера ночью, когда было совершено убийство. Старик сидел у окна, и уже половина бутылки арака «аль-Асрийя» было выпито, когда он услышал, как в темном переулке завязывается драка. Сначала он не придал этому значения, так как к потасовкам подвыпивших попрошаек, возвращавшихся в свои обшарпанные комнаты к полуночи, он уже привык. Обычно сначала они бранились друг с другом, потом, опомнившись и разозлившись на свою горькую долю, кидались на первого попавшегося прохожего, как будто он перед ними в чем-то виноват. Тем более им мог оказаться такой же, как они, несчастный.

Но потасовка затянулась, грубые ругательства стали громче, к ним добавился визг, чья-то тяжелая одышка и стоны. Старик решил выглянуть на улицу, но не смог там ничего разобрать. Только когда в конце переулка развернулась машина и луч от ее фар пробежал по стене, он различил тени пяти схватившихся друг за друга фигур, будто крутящихся в хороводе.

Вечером того же дня, когда были обнаружены трупы, старика приволокли в офис Фараджа ад-Далляля, который на этот раз был красноречив и пользовался сложившейся ситуацией для того, чтобы утвердить свою власть в квартале. Старик еще не проспался как следует после вчерашней бутылки арака. Да он вообще редко трезвел, так что на его слова вряд ли можно было положиться. Но все равно, пусть расскажет, что знает.

Ад-Далляль сразу обрушился на него с бранью, заодно проклиная на чем свет стоит всех пьянчуг. Да избавит Аллах нашу страну от этой мрази! Потом упрекнул правительство, что они поджали хвост перед американцами и не придерживаются норм шариата, как того жаждет народ. Старик слушал и, часто мигая, смотрел на ад-Далляля глазами напуганной мыши.

Ад-Далляль спрашивал его, и он в который раз повторял одно и то же, о чем поведал соседям после отъезда полицейских: среди дерущихся он заметил страшенного человека с кривым широким ртом.

– Их же четверо было!

– Нет, пять!.. Эти четверо пытались тому пятому порвать глотку, но у них получалось схватить только друг друга.

– Да что ты несешь!.. Бред какой-то. – Фарадж ад-Далляль отпил чай, не сводя презрительного взгляда со старика…

В это же время еще один человек спокойно попивал чай – полковник Сурур Мухаммед Маджид, глава Информационно-аналитического отдела. Один из помощников вошел к нему в кабинет и положил на стол досье с наклейкой «Попрошайки». Полковник отставил большую кружку в сторону, придвинул папку и пролистнул страницы, чтобы убедиться, что дело не по ошибке попало в его ведомство: судебный медэксперт приложил заключение, что попрошайки удавили друг друга.

2

Махмуд покинул редакцию вместе с Али Бахером ас-Саиди на его черном «мерседесе». Главный не оставлял ему шанса: вызывал к себе в кабинет, а когда он поднимался, ждал его уже с портфелем в дверях.

– Хочу немного прогуляться… Ты со мной или нет? – спрашивал ас-Саиди у сгорающего от любопытства Махмуда.

Умел ас-Саиди заинтриговать собеседника двусмысленными фразами. Он не выкладывал всю информацию сразу, а выдавливал ее по капле. Иногда ас-Саиди вел его на охраняемую территорию, их подвергали строгому досмотру при входе, потом они поднимались на лифте, и Махмуд узнавал в стоящих рядом людях известных государственных деятелей. А однажды они столкнулись в лифте с министром планирования, и Махмуд стал свидетелем того, как они с ас-Саиди перебросились парой шуток… Да они же приятели! Вот это да! А сколько женщин здоровались за руку с ас-Саиди: обслуживающий персонал, переводчицы, журналистки и даже

члены парламента, пусть и не записные красавицы. Махмуд прилипал к своему отражению в каждом зеркале, но был настолько рассеян, что ничего в них не видел. От знакомств ас-Саиди у него голова шла кругом…

– А куда мы едем? – поинтересовался Махмуд, садясь в машину.

Солнце уже клонилось к закату, темнело. Махмуд вынужден был отменить встречу с Хаземом Аббудом. Тот еще утром пригласил его в «Галери» в квартале аль-Вазирийя на выставку своих друзей, новостных фотографов. Может, завтра еще успею?

– Встретимся со старым приятелем. Возможно, у него есть для нас полезная информация.

– О чем?

– Уже давно пытаюсь выудить. Творится что-то, о чем мы даже не догадываемся. К чему все эти чрезвычайные меры безопасности? Что они все так переполошились? Мы должны быть в курсе всего, что поможет дискредитировать американцев и наше правительство.

Из сказанного Махмуд ничего не понял. Он-то вообразил, что ас-Саиди поддерживает американцев и в правительстве у него одни друзья-приятели. «Зачем их дискредитировать?» – недоумевал Махмуд, но смелости задать этот вопрос ас-Саиди напрямую он не нашел. Все встанет на свои места, когда они встретятся со знакомым ас-Саиди. Машина свернула на аль-Карраду и тут же попала в пробку: поток еле двигался из-за каравана американских «хаммеров». Высунувшиеся из люков солдаты взяли на прицел автомобили, которые держались за ними на расстоянии двадцати метров. Ас-Саиди, не показывая раздражения, включил магнитолу, и из нее полился голос Уитни Хьюстон. Казалось, его вообще было трудно чем-либо вывести из себя. Как говорил, посмеиваясь, Фарид Шавваф, ас-Саиди верит в светлое будущее, имея в виду, что тот готовит его для себя, а на то, что происходит в стране, шефу наплевать. Махмуд пропускал слова Фарида мимо ушей, не сильно задумываясь о том, какую роль он сам играет при ас-Саиди. Ведь, чтобы найти ответы на эти вопросы, нужно иметь свежую голову, нужно остановиться, выдохнуть и бесстрастно рассудить – все это Махмуд не мог себе сейчас позволить. Только самообманом заниматься… Ну и тип этот Фарид Шавваф! Использует людей в своих интересах. И никакой благодарности за все усилия, которые прикладывает Махмуд ради того, чтобы его оставили в журнале и не выставили на улицу, как Зейда Муршида, Аднана аль-Анвара и худущую Мейсу, которая, узнав об увольнении, разревелась прямо на рабочем месте.

Автомобиль ас-Саиди притормозил у высокой бетонной стены с бронированными железными воротами. Махмуд и не подозревал, что в Багдаде есть такие места. Было уже темно, и их машина долго петляла по улочкам квартала аль-Джадирийя, объезжая заторы, поэтому Махмуд не мог сообразить, куда именно они подъехали. Ворота с грохотом разъехались в стороны, и перед ними открылась пустая длинная дорога с ухоженными эвкалиптами по обеим сторонам. Чем дальше они углублялись на территорию, тем глуше становился рев машин и вой полицейских сирен.

Наконец они свернули в узкий проезд, и Махмуд увидел полицейские наряды, американский «хаммер» и несколько личных авто. Один из полицейских указал им, где можно припарковаться. Они вышли из машины и в сопровождении человека в гражданском проследовали в двухэтажное здание. Ас-Саиди обернулся и, как всегда с улыбкой, спросил Махмуда:

– Надеюсь, дружище, у тебя на сегодня ничего не намечено? Поужинаем вместе?

Они вошли в роскошный кабинет и мгновенно ощутили разбрызганный по нему яблочный освежитель воздуха. Навстречу поднялся невысокий мужчина с блестящей залысиной. Что-то продолжая тщательно пережевывать, он подошел и обнялся с ас-Саиди. Они оба рассмеялись. Потом он пожал руку Махмуду и пригласил всех присесть на мягкие диваны у рабочего стола. Махмуд узнал, что хозяин кабинета – полковник Сурур Мухаммед Маджид, начальник Информационно-аналитического отдела. Что здесь анализируют? Какую информацию? Махмуд надеялся, что после сегодняшней встречи все прояснится.

Разговор, который, как уверял ас-Саиди, будет коротким, занял два с лишним часа. О чем только они не говорили и смеялись до слез. Махмуд, которому некуда было торопиться, улыбался вместе с ними. Его никто не ждал, только затхлый гостиничный номер в квартале аль-Батавин. Единственная проблема – ему хотелось курить. Но, судя по яблочному благоуханию в кабинете, хозяин не одобрил бы. Да и ас-Саиди до сих пор не вытащил сигару.

Из их беседы Махмуд понял, что полковник – давний друг шефа. Они учились в одном заведении, потом жизнь развела их, и вот они снова вместе на службе Новому Ираку.

В бывшей иракской армии Сурур служил в ранге подполковника разведывательного управления. А на новом месте он, так как работа его ведомства засекречена, сразу получил следующее звание, став ответственным лицом Информационного отдела, сформированного американцами и им же подчиняющегося. Его задача – отслеживать незаурядные тяжкие преступления, а также проверять все сплетни и мифы, которыми они обрастают, устанавливая таким образом реальную картину происшествия. Не менее важно также предугадать и предупредить теракты – подрыв автомобилей, убийства государственных деятелей, покушения на первых лиц. За последние два года, работая под прикрытием, они принесли немалую пользу государству. Информация, которую они добывают, не афишируется, и, конечно, нигде Информационный отдел не указан как источник. Секретность работы строго соблюдается, безопасность сотрудников службы прежде всего.

Махмуд не понимал, почему ас-Саиди заставляет его вникать во все эти подробности. С чего вдруг он стал ему доверять настолько, что берет с собой на важные переговоры? Это не первый раз и, что-то подсказывало ему, не последний. Уже два месяца ас-Саиди всюду таскает его за собой на черном «мерседесе». Махмуд в курсе, как, впрочем, и ас-Саиди, что взрывные устройства подкладывают в авто не только важных чиновников, на воздух может взлететь любая машина престижной марки с водителем в дорогом, как у ас-Саиди, костюме. Махмуд был уверен, что для шефа все именно так и кончится. А вместе с ним в мир иной отправится тот, кто составит ему в тот день компанию. Не судьба Махмуду сделать карьеру, и о покорении журналистской профессии можно не мечтать.

Ас-Саиди то ли дурак, то ли герой. Он либо вообще не понимает, что вокруг происходит, либо отчаян и храбр до безрассудства. Себя же Махмуд считал вертопрахом, хотя, возможно, окружающим он таким не казался. Все повороты в его судьбе вышли исключительно по глупости и совсем не были обдуманы или рассчитаны. Даже в Багдад из аль-Амары он попал из-за своего ребячества.

Мускулистый парень с грохотом поставил на столик поднос с чашками чая. Махмуд очнулся… Сурур извинялся перед ас-Саиди за то, что не может предоставить материала для печати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.